

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

411
9

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

ГОДИЧНИЙ АКТЪ

AB

ВЪ

РИШЕЛЬЕВСКОМЪ ЛИЦЕѢ,

21-го Іюня 1850 года.

ОДЕССА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ П. ПИТЪ.

1850.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ІМЕНІ І. МЕЧНИКОВА

ОПЫТЪ
ПРОСТАГО ИЗЛОЖЕНІЯ СИСТЕМЫ ШЕЛЛИНГА,

РАЗСМАТРИВАЕМОЙ

ВЪ СВЯЗИ СЪ СИСТЕМАМИ ДРУГИХЪ ГЕРМАНСКИХЪ ФИЛОСОФОВЪ.

РЪЧЬ

Профессора Иосифа Мухоморова.

Печатано по опредѣленію Лицейскаго Совѣта. Одесса, 3-го Мая 1850 года

Секретарь *Д. Логиновъ.*

41
9

215
52

13

Мм. Гг.

Наука, извѣстная подъ именемъ «Философiи», многимъ кажется слишкомъ далекою отъ цѣлей практической жизни и, по своей чрезмерно-отвлеченной формѣ, почти недоступною для умовъ обыкновенныхъ. Но — можетъ ли быть что ближе къ человѣку, какъ не самъ человѣкъ? а на немъ преимущественно и останавливается эта наука. Развѣ далека отъ насъ наша душа, съ ея мыслями, чувствованiями, желанiями и дѣйствiями? а она и составляетъ существенный предметъ философическихъ изслѣдованiй. Такъ-называемая практическая жизнь, понимаемая должнымъ образомъ, т. е. какъ умѣнье вести дѣла свои честно и успѣшно, — обращаться со всѣми такъ, какъ этого требуютъ совѣсть, долгъ, религiя и законъ, — устроить свое частное благо такъ, чтобы оно содѣйствовало благу общему, — такая жизнь предполагаетъ въ томъ, кто ведетъ ее, слѣдующiя необходимыя условiя: основательность мыслей, благородство чувствованiй и честность поступковъ, а это цѣли, для коихъ и существуетъ истинная философiя, какъ наука, которую еще древнiе характеризовали такъ: «vitae dux, virtutis indagatrix, expultrix vitiorum, inventrix legum, magistra morum»... т. е. называли ее руководительницею жизни, ревнительницею добродѣтели, гонительницею пороковъ, изобрѣтательницею законовъ, наставницею нравовъ ¹⁾. Слѣдовательно,

¹⁾ Cicero. Quaeest. Tuscul. lib. V. c. 2.

только тотъ можетъ считать эту науку далекою отъ насъ, кто самъ далекъ отъ надлежащаго знанія ея предмета и цѣли. Что-же касается до ея формы, то нельзя не признаться, что съ этой стороны она доведена нѣкоторыми мыслителями до той высоты умозрѣній, на которую едва могутъ восходить и умы, посвященные въ таинства этой науки. Но наружная форма — это одежда мысли, для которой у каждаго народа есть, такъ-сказать, своя форма. Для насъ важна мысль, а ее мы можемъ выразить, какъ намъ угодно, — такъ и иначе. Если чужеземныя формы несродны намъ и тяжелы, то мы можемъ замѣнить ихъ своими, которыя, будучи болѣе просты и болѣе близки къ намъ, яснѣе и вразумительнѣе выскажутъ намъ содержащіяся въ нихъ мысли, а равно и то, что въ нихъ истинно и что ложно. Опытъ подобнаго замѣненія высренняго языка философскаго простою русскою рѣчью, произведенный мною надъ философіею германскою — одною изъ самыхъ отвлеченныхъ, позвольте мнѣ, Мм. Гг., представить теперь вашему благосклонному вниманію.

Германія, въ послѣднее время, заняла весьма важное и, по всей справедливости, первое мѣсто въ исторіи философіи. Это — Греція въ новомъ мірѣ. Право первенства въ области человѣческой мысли приобрѣли ей, и, такъ-сказать, утвердили за нею ея глубокіе мыслители, а особенно два знаменитые философа, — начальники школъ, преобразователи системъ древнихъ и творцы новыхъ, родившіеся въ одну и ту же эпоху и въ одной и той же странѣ, — это Шеллингъ и Гегель. Оба они извѣстны своими огромными трудами своими блистательными чтеніями, и своимъ могущественнымъ вліяніемъ на умы современниковъ, продолжающимся болѣе сорока лѣтъ. Но одинъ изъ нихъ сошелъ съ своего поприща, назадъ тому ужъ двадцать лѣтъ; другой продолжаетъ свое служеніе философіи еш

доселѣ: Гегель умеръ въ 1830 году, а Шеллингъ — еще хранится Провидѣніемъ, можетъ-быть для того, чтобы въ немъ одномъ видимо олицетворились всѣ возрасты человѣческой мысли. Слава послѣдняго изъ нихъ почти двадцать лѣтъ была потемняема славою перваго; но смерть одного, такъ-сказать, поравняла заслуги обоихъ и даже возвратила одному изъ нихъ неоспоримое право первенства. Такъ-какъ система Гегеля была только преобразованиемъ системы Шеллинга, то это первенство, по всей справедливости, должно принадлежать тому, кто положилъ начало этому преобразованію, т. е. Шеллингу. Оттого на немъ и останавливаемъ мы наше вниманіе, какъ на главѣ повѣйшихъ германскихъ философовъ, тѣмъ болѣе, что его система не иначе можетъ быть понята нами, какъ въ связи съ системами предшествовавшихъ и современныхъ ему германскихъ философовъ, а потому изложеніе ея познакомитъ насъ и съ другими философами, которыхъ, по необходимости, мы должны будемъ касаться. Но и мысли Шеллинга будутъ представлены нами не во всей ихъ полнотѣ и подробности; ибо для этого потребовался-бы трудъ огромный, обнимающій восемь томовъ его сочиненій. Понимая значеніе и цѣль настоящаго собранія, которое вы почтили своимъ присутствіемъ, я намѣренъ представить вамъ, Мм. Гг., только краткое извлеченіе изъ философіи Шеллинга, въ которомъ будутъ показаны: сперва главнѣйшія обстоятельства жизни этого философа, потомъ существенныя мысли его системы, и наконецъ то значеніе, какое имѣетъ эта система, какъ сама въ себѣ, такъ и въ связи съ другими системами, ближайшими къ ней по своему содержанію и направленію.

Знаменитѣйшій изъ германскихъ мыслителей новѣйшаго времени, «Фридрихъ-Вильгельмъ-Іосифъ Шеллингъ», родился въ Швабин, въ

городъ Леонбергъ, 1775 года; слѣд. доживаетъ уже 75-й годъ своей жизни. Какъ сынъ ученаго прелата, онъ, по выходѣ изъ элементарныхъ школъ и окончаніи гимназическаго курса, получилъ то классическое образованіе, которое дѣлаетъ молодыхъ людей способными къ серіознымъ ученымъ занятіямъ и трудамъ. Вслѣдъ-за-тѣмъ онъ вступилъ въ Тюбингенскій университетъ, гдѣ, наравнѣ съ науками философскими, слушалъ и Богословскія, потому-что въ Германіи посвящающіе себя философіи большею частію приготавливаются къ ней основательнымъ изученіемъ догматовъ Откровенной Религіи. Здѣсь судьба свела его съ другимъ юношею, который былъ старше его пятью годами и которому тоже предназначено было достигнуть славы знаменитаго философа: это — Гегель. Вскорѣ они узнали другъ друга; но различіе возрастовъ, а тѣмъ болѣе цѣлей, потому-что одинъ преимущественно имѣлъ въ виду философію, а другой Богословіе, было причиною того, что между ними не было тѣсныхъ дружескихъ сношеній, какія предполагаютъ нѣкоторые біографы. По прошествіи двухъ лѣтъ со дня ихъ знакомства, Гегель отправился, для окончанія своего образованія, въ Швейцарію, а Шеллингъ остался въ Тюбингенской семинаріи еще на три года, чтобъ пройти полный курсъ Богословскихъ наукъ, и получилъ наконецъ (1795 г.) степень доктора философіи, которою онъ занимался вмѣстѣ съ Богословіемъ.

Но преимущественнымъ мѣстомъ философіи, а особенно метафизики, была въ то время Сѣверная-Германія. Поэтому, для высшаго изученія ея, Шеллингъ перешелъ въ Лейпцигъ, гдѣ однакожь прежде всего обратился къ наукамъ естественнымъ и математическимъ и изучалъ ихъ во всемъ ихъ объемѣ, преимущественно занимаясь физикою, химією, естественною исторією и алгеброю, не смотря на то, что тогдашніе германскіе философы, считая эти науки не относящимися къ кругу ихъ занятій, пренебрегали ими. Успѣхи его

во всѣхъ этихъ отрасляхъ человѣческихъ знаній были быстры и блистательны, потому-что онъ соединялъ въ себѣ живое воображеніе, счастливую память, основательное сужденіе, горячую любознательность и особенный даръ слова¹⁾.

По примѣру всѣхъ молодыхъ германскихъ ученыхъ, странствующихъ по разнымъ университетамъ и такимъ образомъ приобретающихъ познаніе различныхъ методовъ преподаванія и вступающихъ въ связи со всѣми знаменитостями германской учености, — Шеллингъ также не оставался на одномъ мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что въ Лейпцигѣ онъ еще не имѣлъ никакой особенной цѣли и не получилъ какого либо опредѣленнаго направленія. Въ эту эпоху, т. е. около 1796 года, господствовала въ школахъ философія Канта; но уже сталъ приобретать ученую извѣстность и ученикъ Канта — Фихте. Молодому мыслителю, каковъ былъ въ то время Шеллингъ, при всемъ стремленіи его къ самостоятельности мышленія, невозможно было не подчиниться вліянію единственнаго въ то время философа — Канта, и знаменитаго ученика его — Фихте, который въ-началѣ былъ такъ близокъ къ своему учителю, что первый трудъ его, изданный имъ безъ означенія имени автора, былъ сочтенъ за произведеніе Канта.

Но Фихте слишкомъ замѣтными недостатками своего характера, а особенно гордостью и самонадѣянностью, такъ-сказать, оттолкнулъ отъ себя молодаго Шеллинга, и тѣмъ заставилъ его сдѣлаться оригинальнымъ мыслителемъ, какъ это видно въ сочиненіи, изданномъ Шеллингомъ, въ 1797 году, подъ названіемъ: «Идеи для

¹⁾ Нѣкоторые біографы Шеллинга полагаютъ, что изъ Лейпцига онъ отправился въ Іену, гдѣ, слушая Фихте — этого сѣлаго преобразователя Кантовой философіи, почерпнулъ изъ его чтеній начала для своей системы. Но Шеллингъ слушалъ въ Іенскомъ университетѣ только одну лекцію Фихте, и то не въ качествѣ студента и ученика его, а въ качествѣ его товарища. См. M. Matter. Schelling ou la philosophie de la nature et la philosophie de la révélation. Paris, 1845.

философіи природы»¹⁾. Сочиненіе это написано въ духѣ той возвышенной поэзіи, которая составляетъ отличительную черту всѣхъ твореній Шеллинга и за которую философія его получила названіе «романтической».

Удивительное сочетаніе высоты мысли съ изяществомъ рѣчи, философіи съ поэзіей, замѣченное въ Шеллингѣ двумя знаменитыми поэтами — Гёте и Шиллеромъ, обратило на него вниманіе германскихъ ученыхъ и доставило ему, въ 1798 году, кафедру экстраординарнаго профессора философіи въ Іенѣ, въ то время небольшомъ городкѣ, вмѣщавшемъ около пяти тысячъ жителей, но составлявшемъ тогда, такъ-сказать, одну изъ столицъ германской философіи, а другою былъ Кенигсбергъ, гдѣ господствовалъ Кантъ.

Для Шеллинга, имѣвшаго тогда только двадцать три года, назначеніе это было весьма лестно, тѣмъ болѣе, что оно дѣлало его товарищемъ знаменитаго уже въ то время Фихте; но, съ другой стороны, надобно было имѣть большую увѣренность въ самомъ себѣ, чтобы осмѣлится занять мѣсто преподавателя у кафедры профессора, пользовавшагося уже всеобщею извѣстностью и увлекавшаго всѣхъ своимъ даромъ слова. Къ тому-жъ Шеллингъ былъ уроженецъ Южной-Германіи, а извѣстно, что южные Нѣмцы не пользуются большимъ успѣхомъ на кафедрахъ школъ Сѣверной-Германіи, какъ по тому, что акцентъ ихъ рѣчи не имѣетъ той пріятности, какой требуетъ ухо обитателя прибалтійскихъ странъ, такъ и по тому, что ихъ фразы часто бываютъ слишкомъ длинны и тяжелы. Поэтому Гегель никакъ не могъ возвыситься къ классическому языку Гердера и Гёте. Но Шеллингъ въ первыхъ чтеніяхъ своихъ показалъ, что, несмотря на свойственное ему удареніе рѣчи, онъ

¹⁾ Ideen zur einer Philosophie der Natur, als künftige Grundlage eines allgemeinen Natursystems. Leipz. 1797. 8. A. 2. Landsh. 1803.

былъ изъ числа тѣхъ людей, которые принадлежатъ не одной какой либо провинціи, а всей націи.

Между-тѣмъ, уча другихъ, Шеллингъ не переставалъ учиться самъ. Къ прежнимъ знаніямъ физики и математики онъ присоединилъ здѣсь знаніе психологіи и нравственности, а особенно медицины, такъ-что Ландсгутскій университетъ поднесъ ему почетное (honoris causa) титуло доктора медицины (1802 г.). Его Іенскіе слушатели видѣли, что положительныя познанія, пріобрѣтенныя Шеллингомъ изъ другихъ наукъ, дали его философіи направленіе, болѣе приближающее ее къ дѣйствительности, чѣмъ сколько это могла сдѣлать философія Фихте, теряющаяся въ области отвлеченій. Оттого число ихъ постоянно увеличивалось и особенно стало возрастать съ того времени, какъ Фихте, уличенный въ атеизмъ, долженъ былъ (1799 г.) оставить Іену.

Но, подобно учащимся, и учащіе въ Германіи рѣдко остаются на одномъ мѣстѣ. Какъ только кто либо изъ нихъ сдѣлается извѣстнымъ своими сочиненіями или методою преподаванія, то вдругъ разныя мѣста начинаютъ обращаться къ нему съ своими приглашеніями занять кафедру того предмета, къ преподаванію котораго онъ болѣе всего способенъ. Есть профессора, которые до пяти, шести и болѣе разъ перемѣняютъ поприще своей дѣятельности, переходя съ мѣста на мѣсто и увеличивая такимъ образомъ славу своего имени и выгоды своего виѣшняго состоянія. Къ числу ихъ принадлежитъ и Шеллингъ. Въ 1803 году, онъ былъ призванъ въ Вюрцбургскій университетъ, который послѣ Іенскаго былъ для него вторымъ мѣстомъ его академической дѣятельности. Въ Вюрцбургѣ онъ преподавалъ различныя отрасли философіи въ теченіе четырехъ лѣтъ, и въ 1804 году издалъ сочиненіе: «Философія и Религія»¹⁾. Эта

¹⁾ Philosophie und Religion. Tübing 1804. 8.

книга хотя не нападала прямо ни на кого, но не могла всѣмъ нравиться, и имѣла въ себѣ много такого, что могло быть худо истолковано тѣми, кои не поймутъ ее. Потому самъ авторъ въ предисловіи къ ней выразился такъ : «не всякій къ ней прикасайся, — она жжетъ.» Его обвиняли въ темнотѣ, и нѣкто «Шюцъ» (Schütz) написалъ на него злой памфлетъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ : «о поведеніи Шеллинга и о положеніи, въ какомъ онъ привелъ себя своимъ обскурантизмомъ, съ подтвердительными статьями.» Но такова обыкновенно участь людей : отличные изъ нихъ имѣютъ своихъ завистниковъ и враговъ, да и у другихъ нѣтъ въ нихъ недостатка. Послѣдователи Фихте раздражены были противъ Шеллинга за то, что онъ заступилъ мѣсто удаленнаго изъ Іены начальника ихъ школы ; ученики Канта ненавидѣли его за то, что онъ своею изящною поэзіею затмилъ грубую прозу Кенигсбергскаго философа, и эта ненависть вполнѣ выразилась въ Фрицъ, ревностномъ послѣдователѣ Канта. Но это не уронило Шеллинга, а заставило его еще усилить свою ученую дѣятельность, преимущественно въ области изящныхъ искусствъ. Онъ занимался ими и прежде, и въ Іенѣ и Вюрцбургѣ преподавалъ эстетику, — эту теорію изящныхъ искусствъ. Но горизонтъ его дѣятельности на этомъ поприщѣ болѣе раздвинулся, когда, въ 1807 году, онъ былъ сдѣланъ членомъ Мюнхенской академіи наукъ. Исполняя должность академика на этомъ третьемъ уже мѣстѣ своей дѣятельности, Шеллингъ посвятилъ всѣ свои дарованія изученію изящнаго. Поводъ къ тому былъ слѣдующій. При назначеніи его членомъ академіи, ему всего естественнѣе было поступить въ отдѣленіе философіи; но здѣсь были уже два философа, — Якоби и Вейллеръ, — которые не были расположены къ нему дружескимъ образомъ, и потому, не желая имѣть его своимъ близкимъ товарищемъ, внесли его въ число членовъ отдѣленія изящныхъ искусствъ. Однакожь геній вездѣ находитъ для себя пищу. Шеллингъ

и здѣсь выказалъ себя, какъ нельзя лучше; онъ образовалъ въ себѣ вкусъ къ поэзіи, искусствамъ и ко всему изящному такъ, какъ никто изъ германскихъ философовъ. Потому и былъ сдѣланъ (1808 г.) главнымъ-секретаремъ академіи художествъ.

Впрочемъ, философія все оставалась любимымъ занятіемъ Шеллинга, въ которой онъ, въ теченіе этого времени, сдѣлалъ значительные успѣхи, такъ-что приступилъ къ составленію полнаго курса ея, издавъ первый томъ своихъ «философскихъ твореній» ¹⁾. Но здѣсь же онъ тотчасъ выразилъ свое непостоянство, которое потомъ часто повторялось въ различныхъ преобразованіяхъ его системы, такъ-что этотъ первый томъ былъ и послѣднимъ въ подобномъ родѣ. Задача, которую онъ хотѣлъ тогда рѣшить, была слишкомъ смѣлая. «Я, говоритъ онъ, ищу *бытія не отвлеченнаго, или чистаго, а дѣйствительнаго*, и потому долженъ произвести большое преобразование въ области философіи. Она должна быть положительнымъ изъясненіемъ дѣйствительности, не лишая однакожь ума его права на обладаніе тѣмъ, что существовало прежде всякой вещи, или на познаніе Бога». Конечно, обѣщанной Шеллингомъ положительности философіи у него не достигла; но съ этого времени онъ преимущественно занялся основнымъ вопросомъ ея о первомъ началѣ всего, или, такъ-названномъ имъ, *абсолютъ*. Между-тѣмъ въ этомъ исканіи перваго начала Шеллингъ, какъ выразился Якоби, терялъ изъ виду истинное начало вещей, и потому въ мнѣніи этого президента Мюнхенской академіи онъ былъ атеистомъ. Это титуло, которое онъ съ жаромъ отвергалъ въ ствѣтѣ (Denkmal) на замѣчанія своего противника, и слабость здоровья заставили его, спустя впрочемъ два года послѣ смерти Якоби, переселиться изъ Мюнхена въ Эрлангенъ. Здѣсь онъ снова занялъ профессорскую кафедру, и Эрлангенъ былъ

¹⁾ Philosophische Schriften. Landsh. 1809. 8.

четвертымъ мѣстомъ его ученой дѣятельности, а вскорѣ готовилось ему и пятое. По перенесеніи Ландсгутскаго университета въ Мюнхенъ, пожелали украсить это зведеніе именемъ Шеллинга, давъ ему кафедру философіи, которая сдѣлалась самою блистательною въ Германіи. Король Баваріи Максимилианъ (de deux-ponts) и преемникъ его Людовикъ почтили Шеллинга всеми отличіями, какими Германія обыкновенно награждаетъ труды ученыхъ. Онъ былъ сдѣланъ президентомъ академіи, главнымъ консерваторомъ ученыхъ коллекцій и тайнымъ совѣтникомъ. Самые враги Шеллинга признали его талантъ и заслуги.

Несмотря на свои служебныя отношенія, которыя впрочемъ были чисто-литературныя или артистическія, Шеллингъ, живя въ Мюнхенѣ, посвящалъ свои силы ученымъ изслѣдованіямъ, имѣвшимъ своимъ предметомъ философію, искусства и символику сновъ у древнихъ. Съ особеннымъ жаромъ и воодушевленіемъ читалъ онъ здѣсь курсъ своей философіи Откровенія, и привлекалъ къ себѣ слушателей не только изъ своихъ соотечественниковъ, но и изъ иностранцевъ. Многіе и изъ нашихъ соотечественниковъ слушали его съ восхищеніемъ.

Мюнхену — столицѣ германскаго искусства, долго завидовалъ Берлинъ — столица германской философіи. Если бы на берегахъ Шпрее господствовало другое ученіе, и если бы не трудно было свести Шеллинга съ Гегелемъ, который изъ прежняго ученика его сдѣлался его противникомъ: то, безъ сомнѣнія, Берлинъ давно-бы пригласилъ къ себѣ Мюнхенскаго философа. Но, и по смерти Гегеля, Шеллингъ, не смотря на приглашенія Прусскаго Короля, оставилъ свой любимый Мюнхенъ не вдругъ, а спустя уже болѣе десяти лѣтъ. Только въ 1842 году, аудиторія Берлинскаго университета огласилась именемъ Шеллинга, который, несмотря на свои преклонныя лѣта, вступилъ на ея кафедру съ свойственнымъ ему воодушев-

леніемъ и произвелъ большое впечатлѣніе на многочисленное собраніе своихъ слушателей, хотя между ними находилось немалое число почитателей Гегеля. Окончивъ курсъ своихъ блистательныхъ чтеній въ Берлинскомъ университетѣ, Шеллингъ снова оставался въ молчаніи около семи лѣтъ; но въ прошломъ году студенты этого университета обратились къ нему съ просьбою — возобновить свои чтенія, на что онъ изъявилъ свое согласіе. Что будутъ содержать въ себѣ его новыя чтенія, этого мы еще не знаемъ, и потому философія его, къ изложенію которой мы теперь приступаемъ, будетъ заключать въ себѣ только то, что сдѣлалось уже извѣстнымъ посредствомъ изданныхъ имъ сочиненій.

II.

Сочиненія Шеллинга, по своему содержанію, относятся къ философіи, медицинѣ, миѳологіи, поэзіи, исторіи и изящнымъ искусствамъ. Собственно-философскія его сочиненія стали появляться съ большою успѣшностью, одно за другимъ, съ 1792 по 1812 годъ. Укажемъ прежде на тѣ, въ которыхъ молодой мыслитель слѣдовалъ Фихте. Это — *во-первыхъ*: «Опытъ изъясненія происхожденія зла»¹⁾, въ которомъ выразилось покушеніе ума объяснить третью главу Книги Бытія, содержащую повѣствованіе о паденіи человѣка; — *во-вторыхъ*: «Объ идеѣ теоріи знанія и о возможности формы философіи вообще»²⁾, гдѣ между прочимъ отвергается теорія идей Рейнгольда, знаменитаго кантианиста, и *въ-третьихъ*: «О я, какъ началъ философіи»³⁾, гдѣ Шеллингъ является совершеннымъ послѣ-

¹⁾ Antiquissimi de prima malorum humanorum origine philosophematis explicandi tentamen. Tübing. 1792. 4.

²⁾ Ueber die Möglichkeit einer Form der Philosophie überhaupt. Tübing. 1795.

³⁾ Vom Ich als Princip der Philosophie, oder über das Unbedingte im menschlichen Wissen. Tübing. 1795. 8.

дователемъ Фихте, но ничего не говорить о своемъ согласіи съ нимъ : такъ-что Фихте въ письмѣ къ Рейнгольду жаловался на это молчаніе Шеллинга.

Но вскорѣ-за-тѣмъ, Шеллингъ становится мыслителемъ самостоятельнымъ и оригинальнымъ. Собственныя мысли о философіи онъ изложилъ въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: 1) «Идеи для философіи природы»¹⁾; 2) «О душѣ міра»²⁾; 3) «Первый опытъ системы философіи природы»³⁾; 4) «Система трансцендентальнаго идеализма»⁴⁾; 5) «Бруно, или разговоръ о божественномъ и естественномъ началѣ вещей»⁵⁾; 6) «Чтенія о методѣ академическаго ученія»⁶⁾; 7) «Философія и религія»⁷⁾; 8) «Объ отношеніи идеальнаго и реальнаго въ природѣ, или о началахъ тяжести и свѣта»⁸⁾; и 9) «Показаніе истиннаго отношенія философіи природы къ усовершенствованному ученію Фихте»⁹⁾.

Какъ только стали появляться эти сочиненія, то Фихте, жаловавшійся прежде на Шеллинга, какъ на непризнательнаго послѣдователя, увидѣлъ въ немъ своего соперника, который наконецъ явно разорвалъ связь свою съ Фихте, когда идеализму его противопоставилъ свою трансцендентальную философію природы, и этотъ разрывъ оконча-

¹⁾ Ideen zur einer Philosophie der Natur, als künftige Grundlage eines allgemeinen Natursystems. Leipz. 1797. 8.

²⁾ Von der Weltseele. Hamb. 1798. 8.

³⁾ Erster Entwurf eines Systems der Naturphilosophie. Jena und Leipz. 1799. 8.

⁴⁾ System des transcendentalen Idealismus. Tübing. 1800. 8.

⁵⁾ Bruno, oder über das göttliche und natürliche Princip der Dinge; ein Gespräch. Berl. 1802. 8.

⁶⁾ Vorlesungen über die Methode des akademischen Studiums. Tübing. 1803. 8. A. 2. 1813.

⁷⁾ Philosophie und Religion. Tübing. 1804. 8.

⁸⁾ Ueber das Verhältniss des Realen und Idealen in der Natur, oder Entwicklung der ersten Grundsätze der Naturphilosophie an den Principien der Schwere und des Lichts. Hamb. 1806. 8.

⁹⁾ Darstellung des wahren Verhältnisses der Naturphilosophie zu der verbesserten Fichteschen Lehre. Tübing. 1806. 8.

тельно представилъ въ послѣднемъ изъ упомянутыхъ нами сочиненій, гдѣ ясно опредѣлено отношеніе между нимъ и Фихте.

Къ этому-же разряду сочиненій Шеллинга можно причислить : «Anti-Sextus, или объ абсолютномъ познаніи» (Heidelberg, 1807. 8), «Philosophische Schriften und Denkmäl, или отвѣтъ на обвиненія Якоби (Tübing. 1812). Но первое изъ этихъ сочиненій приписано Шеллингу, только по сходству своего заглавія съ общимъ содержаніемъ его философіи; втораго явился только одинъ томъ, содержащій впрочемъ нѣсколько новое ученіе о свободѣ человѣка, а третье есть критика на Якоби, высказанная съ такимъ жаромъ, что ея не одобряютъ самые друзья Шеллинга.

Кромѣ этихъ, болѣе или менѣе обширныхъ трудовъ своихъ, Шеллингъ извѣстенъ еще, какъ издатель большаго числа отдѣльныхъ статей о разныхъ предметахъ, какъ основатель нѣкоторыхъ философскихъ журналовъ и какъ соучастникъ во многихъ періодическихъ изданіяхъ, предпринятыхъ его друзьями. Въ подтвержденіе нашихъ словъ, можемъ указать на журналъ, изданіе котораго было предпринято имъ въ Іенѣ вмѣстѣ съ Гегелемъ¹⁾, — на другой журналъ умозрительной физики²⁾, — на журналъ философіи и физики, который былъ издаваемъ Нитаммеромъ и въ которомъ было много статей Шеллинга, и на журналъ доктора Маркуса, въ которомъ Шеллингъ помѣстилъ свои идеи о медицинѣ, имѣвшія вліяніе на образованіе брата его, Карла Шеллинга, извѣстнаго медика.

Что касается до произведеній Шеллинга по изящнымъ искусствамъ, то къ этому разряду должно отнести его разсужденіе «объ отношеніи пластическихъ искусствъ къ природѣ», и брошюру «о

¹⁾ Kritisches Journ. der Philosophie. Tübing. 1802. 2 Bde. 8.

²⁾ Zeitschrift für specul. Phys. Jena und Leipz. 1800 — 1. 2 Bde. 8.

памятникахъ, хранящихся въ коллекціи наслѣднаго принца Баварскаго (1817 года)».

Примѣръ Гёте и Шиллера усилить въ немъ природную страсть къ поэзіи, и онъ преимущественно удовлетворялъ этой страсти въ то время, когда былъ секретаремъ Мюнхенской академіи. Но Шеллингъ былъ поэтъ, такъ-сказать, только въ прозѣ, какъ это видно изъ отрывковъ, помѣщенныхъ имъ, подъ именемъ Бонавентуры, въ альманахахъ Шлегеля и Тика (Tübingen, 1802. in 12).

Символика и миѳологія, занимавшія собою умы отличныхъ германскихъ ученыхъ — Гейне, Фосса, Крейцера, Бёттигера, Вильгельма Гумбольдта и Гёрреса, привлекли къ себѣ особенное вниманіе и Шеллинга, во время его пребыванія въ Мюнхенѣ. Въ «достопамятностяхъ Павлюса»¹⁾ онъ помѣстилъ первый взглядъ свой на миѳы, историческія преданія и философскія миѳнія древнихъ. Въ 1814 году, онъ объявилъ о скоромъ выходѣ въ свѣтъ своего сочиненія «о возрастахъ міра», но, напечатавъ уже пятнадцать листовъ этого труда, взялъ обратно рукопись и прекратилъ печатаніе, издавъ, вмѣсто его, въ слѣдующемъ году сочиненіе «о божествахъ Самоѳракіи»²⁾. Въ 1826 году, вышла «первобытная миѳологія» Шеллинга, которая однакожь не удовлетворила ожиданіямъ ученой публики; а въ 1830 году, онъ обѣщавъ издать свои «миѳологическія письма», которыя впрочемъ не явились, подобно какъ и обѣщанная имъ, въ 1833 году, «философія миѳологіи». Отсюда можно заключить, что Шеллингъ болѣе сдѣлалъ, нежели сколько намъ извѣстно о его трудахъ; впрочемъ и изъ того, что уже извѣстно, можно видѣть тонъ, направленіе и характеръ его философіи.

Можно укорять Шеллинга не въ томъ, что не все имъ издано,

¹⁾ Paulus Memorabilien. 1793.

²⁾ Ueber die Gottheiten von Samothrake. Stuttg. u. Tübing. 1815. 4.

а въ томъ, что изданное имъ не вездѣ ясно. Впрочемъ, этоне по-
востъ въ исторіи человѣческой мысли, и выпѣшній Берлинскій фило-
софъ, безъ сомнѣнія, не первый и не послѣдній подвергся этому
недостатку. Съ полною ясностью излагаются только мысли совершенно-
ясныя, а таковыми могутъ быть мысли наши только тогда, когда
относятся къ предметамъ совершенно намъ извѣстнымъ, но сфера
такихъ предметовъ весьма ограничена. Одинъ Богъ есть свѣтъ
совершенный; а для человѣка совершенная ясность есть идеаль,
къ которому онъ постоянно долженъ стремиться, но достиженіе ко-
торого во времени для него только отчасти возможно. Цѣль настоящей
умственной дѣятельности человѣка состоитъ въ изслѣдованіяхъ и
изысканіяхъ истины; а гдѣ начинается совершенная ясность, тамъ
открывается истина во всемъ свѣтѣ, и слѣдовательно полагается
предѣлъ умственнымъ изысканіямъ. Что касается до темноты, встрѣ-
чающейся въ сочиненіяхъ Шеллинга, то она, конечно, могла-бы быть
отвращена; ибо она произошла отъ особенной, слишкомъ-сложной
и извѣрно-отвлеченной терминологіи, а равно и отъ того, что
философія его являлась въ нѣсколькихъ фазахъ и принимала различ-
ныя формы. Но эту темноту, а особенно ея слѣдствія, т. е. пред-
ставляемая ею трудности къ должному уразумѣнію мыслей Шеллинга,
недоброжелатели его слишкомъ увеличиваютъ, утверждая будто-бы
тѣмъ менѣе можно понять его, что онъ и самъ себя не понималъ,
и будто-бы, несмотря на всѣ усилія, никто не изложилъ удовле-
творительно его ученія. Если подъ удовлетворительностью разумѣть
здѣсь, такъ-сказать, совершенную осязаемость и осязаемость истины,
представленныхъ этимъ философомъ, то въ такомъ смыслѣ это
должно сказать и относительно всѣхъ важнѣйшихъ философовъ: Пла-
тонъ и Аристотель, Декартъ и Спиноза, Лейбницъ и Кантъ — стоятъ
въ той-же категоріи. Стремленіе философствующаго ума къ истинѣ
уподобляется полету орла, парящаго къ солнцу и теряющагося въ

облакахъ. Тамъ, гдѣ умѣренное око наше теряетъ его изъ виду, остается критика, которая по началу извѣстнаго направленія опредѣляетъ его продолженіе и слѣдствія. Касательно Шеллинга эта критика простерлась до того, что стала признавать его ученіе опаснымъ для здравой философіи, религіи и нравственности. Конечно, поводъ къ этому дали нѣкоторыя его сочиненія, въ коихъ выразилъ онъ свои поспѣшныя заключенія и для правильного уразумѣнія коихъ, равно какъ для опредѣленія истиннаго значенія Шеллинга въ ряду германскихъ философовъ, необходимо обратиться къ предшествовавшимъ мыслителямъ — Канту и Фихте, и посмотрѣть на его философію, такъ-сказать, въ ея зародышѣ.

Кантъ, состоявшій подъ вліяніемъ англійскаго скептицизма Юма и оказавшій много услугъ философіи своими бессмертными трудами, остановился на основномъ пунктѣ человѣческихъ познаній — на опредѣленіи ихъ законности, чистоты и достовѣрности; но, послѣ глубокаго анализа способностей познавательныхъ, пришелъ къ сомнѣнію, или къ такъ-называемому скептицизму. «Мы можемъ знать, говорить онъ въ своей критикѣ чистаго ума¹⁾, только то, что можемъ наблюдать въ насъ, или внѣ насъ. Наблюденіе внутреннее и внѣшнее — вотъ вся область знанія». Слѣдовательно, въ своемъ чистомъ умѣ онъ не нашелъ познаній *созерцательныхъ*. Но, несмотря на то, онъ допускалъ, какъ нѣкоторую опору для своей философіи, *вѣру въ познанія практическія*. Это значить, что онъ, начавъ сомнѣніемъ, окончилъ вѣрою, и что система его есть болѣе идеальная, чѣмъ скептическая. Онъ утверждалъ, что вещи сами въ себѣ неизвѣстны, по что мы знаемъ ихъ такими, какими онъ намъ являются, и такъ, какъ свойственно знать ихъ нашему уму. Слѣд. не выводилъ того скептическаго заключенія Юма, что мы знаемъ ихъ худо

¹⁾ Kritik der reinen Vernunft. 1781.

и что наши познанія сомнительны; равно-какъ не полагалъ съ англійскимъ идеалистомъ Беркелеемъ, что всѣ вещи суть однѣ лишь наши чистыя представленія, а только познаніе ихъ признавалъ чистымъ произведеніемъ нашего ума, дѣйствующаго на основаніи внутренняго или внѣшняго наблюденія. Но такъ-какъ ни то, ни другое наблюденіе, представляя одно являемое и случайное, не приводитъ ума къ прямому убѣжденію въ бытіи Бога, безсмертіи души и будущей жизни, этихъ необходимыхъ условій нравственности и закона; то Кантъ, сдѣлавъ такое предположеніе и опасаясь ужасныхъ слѣдствій его, по необходимости допустилъ еще «умъ практической», давъ ему право признать положительнымъ и достовѣрнымъ то, въ чемъ сомнѣвается и чему не вѣритъ умъ теоретической. Такимъ образомъ, въ ученіи Канта смѣшивались разныя направленія философіи, безъ должной послѣдовательности и единства. Это вызвало дѣятельность послѣдующихъ мыслителей, которые стали точнѣе опредѣлять и вѣрнѣе обозначать начала Канта.

Болѣе всѣхъ пораженъ былъ отсутствіемъ послѣдовательности и единства въ системѣ Канта — Фихте. Онъ видѣлъ въ ней два направленія — *отрицательное* или критическое, и *положительное* или догматическое: одно изъ нихъ названо у Канта «умомъ чистымъ», другое — «умомъ практическимъ». Эта двойственность, или, какъ называютъ ее, дуализмъ, ему казалась слѣдствіемъ неполноты и какъ-бы незаконченности системы Канта, потому-что еще шагъ впередъ, и — Кантъ могъ бы открыть начало, объединяющее противоположности. Потому-то Фихте сталъ самъ искать этого общаго начала, и представилъ его въ своей «теоріи науки или наукословіи», существенное содержаніе которой есть слѣдующее. «Главная задача науки состоитъ въ показаніи отношенія мыслей или идей къ ихъ предметамъ. Для рѣшенія ея, надобно подвергнуть изслѣдованію нашъ мыслящій субъектъ, или, какъ выражается Фихте, наше я,

а равно и то, о чемъ онъ мыслить и что, какъ отличное отъ этого я, называется у него по противоположности *не-я*. Это изслѣдованіе тотчасъ покажетъ, что наше я сознаетъ себя и что оно *непосредственно* проявляетъ себя такъ-что между нимъ и его явленіями нѣтъ ничего средняго. Поэтому наше я и не знаетъ ничего болѣе, кромѣ себя и своихъ измѣнній? Слѣдов. у человѣка нѣтъ другаго знанія, кромѣ знанія о самомъ себѣ и о своихъ дѣйствіяхъ. Это — единственная область науки, за пределами коей все — только предположеніе, призракъ и мечта».

Такимъ образомъ это идеальное ученіе Фихте есть порожденіе подобнаго-же ученія Канта, Юма и Беркелея, съ тѣмъ только измѣненіемъ, что Фихте уничтожилъ вѣру, которая спасла Канта на бурномъ океанѣ сомнѣній и нашла для него нѣкоторую опору въ *предположеніяхъ*. Но на этомъ не остановился Фихте. Не видя ничего, кромѣ себя, онъ хотѣлъ найти все въ себѣ, и потому перенесъ въ свое я не только всѣ существа сотворенныя, но и самого Творца ихъ, такъ-что міръ сдѣлался для него совокупностью не вещей, а мыслей, и Богъ обратился въ чистую идею человѣческаго ума.

Шеллингъ сначала съ безусловнымъ довѣріемъ послѣдовалъ этой системѣ. Но, какъ только началъ мало-по-малу разоблачать ее, то тотчасъ примѣтилъ, что это тоже двоеніе ума, какое было у Канта, съ тою только разностью, что Кантъ мыслимое (идеальное) полагалъ, а дѣйствительное (реальное) предполагалъ; Фихте, напротивъ того, полагалъ то и другое, производя дѣйствительное изъ мыслимаго, и такимъ образомъ лишая надлежащаго значенія одно и другое. Богъ и міръ, вселенная и я, матерія и духъ, тьма и свѣтъ, жизнь и смерть, — это, говоритъ Шеллингъ, только видимыя противоположности. Дѣйствительной двойственности ни въ чемъ нѣтъ: ибо въ такомъ случаѣ въ одномъ мірѣ было бы два міра и два

закона, а слѣд. и два Верховныя Существа. Но этого не можетъ быть и нѣтъ. Значить — есть только *единство* (Identität). До этого единства не можетъ, продолжаетъ онъ, довести насъ анализъ, восходящій отъ явленій къ началамъ; его мы найдемъ на противоположномъ, синтетическомъ пути, начавъ съ умозрѣнія, которое полагаетъ прежде всего самую начала. И потому вмѣсто того, чтобы, подобно Фихте, производить міръ отъ своего я, Шеллингъ сталъ смотрѣть на нихъ, какъ на произведеніе одного и тогоже начала, которое впрочемъ само въ себѣ, по его словамъ, есть не что иное, какъ идеальное единство этихъ своихъ произведеній. Слѣд. природа, духъ и ихъ начало различаются у Шеллинга только своими явленіями, а въ сущности составляютъ одно и то же. Изслѣдованіе этого *тождества всего* и послужило предметомъ для его *философii природы*, которою онъ началъ поприще своей собственно-философической дѣятельности. Посмотримъ, какъ онъ на немъ дѣйствовалъ.

Прежде всего критически изслѣдовалъ онъ начала своихъ предшественниковъ, и весьма удачно обнаружилъ ихъ недостатки и заблужденія. Философія послѣдняго столѣтія, съ Локка и Лейбница, почти исключительно была сосредоточена въ изученіи человѣческаго духа, и въ области своихъ отвлеченій сдѣлалась слишкомъ сухою и почти безжизненною. Правда, Кантъ занимался естественными науками, Вольфъ — математикой, а Лейбницъ — почти всѣмъ. Но эти философы остались позади Декарта и Бакона въ общемъ познаніи природы, подобно-какъ сн послѣдніе далеко отстали, въ этомъ отношеніи, отъ Аристотеля. Беркелей, Юмъ, Кондильякъ и Фихте привели философію къ фантастическому ученію о нашемъ я, или къ такъ-называемому *метафизическому эгоизму*. Въ самомъ дѣлѣ, ослабить всѣ связи души съ міромъ — мѣстомъ перваго ея назначенія, и съ Существомъ Верховнымъ — виновникомъ ея послѣдней судьбы, — это значило дать мышленію ума ложное направленіе и

покрыть мракомъ смерти все, чему дана Всемогущимъ Творцемъ полнота жизни и обиліе дѣйствующихъ силъ.

Шеллингъ живо чувствовалъ необходимость обратиться къ тому, отъ чего насильно отторгнуть было умъ человѣка эту идеалистическою, въ сущности своей почти неслышную отъ средне-вѣковой схоластики, философію, т. е. къ природѣ, поэзіи, религіи и ко всему, что возвышаетъ и успокоиваетъ человѣка на пути его познаній. Впрочемъ, онъ не уничтожилъ ученія о нашемъ я, но только смотрѣлъ на него, какъ на первый пріемъ философіи, какъ на введеніе въ эту науку. «Душа, говоритъ онъ, есть орудіе познанія, и потому знаніе ея необходимо; но она не можетъ быть постигнута сама изъ себя и не должна господствовать одна надъ всѣмъ. Въ философіи не должно быть того эгоизма, который останавливается на одномъ я, и выводитъ изъ него фантазмагорическую паутину воображаемыхъ явленій. Ея задача — привести въ стройную гармонію духъ и природу, идею и вещь». — Чтобы рѣшить эту задачу, Шеллингъ обратился къ Спинозѣ, котораго съ равнымъ тщаніемъ изучали въ то время — Якоби, Гегель и Павлюсъ, и сталъ читать его съ большимъ вниманіемъ. Но перейти къ Спинозѣ и Ксенофану съ тѣмъ, чтобы обойти Канта и Фихте, — это значило попасть изъ одной крайности въ другую, и — Шеллингъ имѣлъ несчастіе испытать это какъ въ началѣ, такъ и при концѣ своихъ умственныхъ занятій: его философія природы, равно какъ и философія Откровенія, — обѣ, въ слѣдствіе перваго, неудачнаго, поворота мысли, запечатлѣны характеромъ пантеизма или всебожія.

Но первый шагъ Шеллинга былъ, повидимому, нерѣшителенъ и робокъ. Первоначально онъ выдалъ свое ученіе за неважное измѣненіе философіи Канта и Фихте. Въ своемъ «трансцендентальномъ идеализмѣ» онъ даже объявилъ себя прямымъ послѣдователемъ этихъ философовъ. Впрочемъ, и въ этомъ сочиненіи не могъ уже

удержаться, чтобы не высказать той мысли, что трансцендентальная философія Канта и его философія діаметрально противоположны одна другой. Вскорѣ-за-тѣмъ онъ сталъ дѣйствовать съ бѣльшею свободою и ясно указывалъ на черту, отдѣляющую его отъ Канта; ибо искалъ основы духа и природы не въ нашемъ мыслящемъ субъектѣ, а въ другомъ высшемъ началѣ, которое составляетъ предметъ его философіи природы, изложенной имъ въ слѣдующихъ трехъ сочиненіяхъ: 1) «Идеи для философіи природы»; 2) «Трактатъ о душѣ міра», и 3) «Первый очеркъ философіи природы». Къ нимъ онъ сдѣлалъ потомъ «Введеніе», гдѣ болѣе опредѣлилъ это свое ученіе, назвавъ его *трансцендентальною* или *умозрительною физикою*¹⁾.

Но это названіе подало поводъ къ различнымъ вопросамъ. Не есть-ли это, спрашивали нѣкоторые, философія физики? Въ такомъ случаѣ чѣмъ отличается она отъ той древней метафизики, пустая умозрѣнія которой брошены уже всѣми лучшими философами? — Не есть-ли это, говорили другіе, древнее всебожіе, или такъ-называемый пантеизмъ? Въ такомъ случаѣ чѣмъ отличается ученіе Шеллинга отъ ученія философа элейскаго Парменида и амстердамскаго Спинозы?

Эти вопросы заставили Шеллинга точнѣе опредѣлить основную идею своей философіи природы. «Представлять природу, какъ собраніе отдѣльных другъ отъ друга предметовъ, какъ совокупность существъ, которыя сами по себѣ мертвы и едва способны дѣйствовать одни на другихъ и на насъ, — это, по мнѣнію Шеллинга, значить имѣть объ ней самое поверхностное понятіе. Безъ сомнѣнія, вещи дѣйствуютъ одна на другую и природа составлена изъ частей, соединенныхъ между собою взаимнымъ дѣйствіемъ; но въ основѣ вещей, въ нѣдрѣ природы нѣтъ ничего подобнаго тому, что мы называемъ *бездѣйственной матеріею* (vis inertiae). То, что из-

¹⁾ Введеніе это переведено на русскій языкъ и издано въ Одессѣ, 1833 года, профессоромъ Ришельевского Лицея Н. Курляндцевымъ.

вѣстно у насъ подъ именемъ предмета, вещи, матеріи, есть не что иное, какъ *сила, дѣятельность, жизнь*. Эти силы и дѣятельности, соединяясь въ пространствѣ и поддерживаясь одна другою, образуютъ нѣчто матеріальное, чему мы обыкновенно даемъ названіе *тѣла*. Но отъ самыхъ низшихъ степеней этого матеріальнаго бытія до самыхъ высшихъ, — отъ камня, въ которомъ сила и дѣятельность покоятся какъ-бы въ летаргическомъ снѣ, до существа органическаго, въ которомъ онѣ приходятъ въ состояніе бодрствованія, — вездѣ непрерывное послѣдованіе энергіи, произвола и свободы, совершающееся не по вѣншему побужденію, а по внутреннему стремленію самихъ существъ. Это произвольное стремленіе есть міровой законъ, данный существамъ не извнѣ, какъ мертвая буква, но происходящій изъ нихъ самихъ, какъ сила, какъ всеобщая жизнь, которой свойственно, на высшей степени своего развитія, сознать себя и являться *разумомъ*. Отнимите у природы ту внутреннюю силу и жизнь, которая проявляется на различныхъ степеняхъ своего развитія то инстинктомъ, то движеніемъ, то дѣятельностью, то произволомъ, то разумомъ и умомъ : тогда не останется ничего, что можно-бы было назвать дѣйствительнымъ или матеріальнымъ, такъ-какъ дѣйствительность и матеріальность суть не что иное, какъ игра этихъ взаимныхъ дѣятельностей. Отсюда произвелъ Шеллингъ свое главное начало тожества, выразивъ его такъ : «все есть одно и то же», гдѣ подъ всемъ разумѣетъ онъ совокупность не одного матеріальнаго, но всего существующаго. Мыслить и существовать, идея и вещь — у Шеллинга суть только различныя измѣненія одной и тойже сущности, такъ-что тѣло и душа различаются только какъ двѣ особыя формы, а не какъ двѣ различныя вещи ; ибо все существующее, по природѣ своей, есть одна и таже вещь, а эту природу его составляетъ дѣятельность и жизнь, которая впрочемъ, въ своемъ первобытномъ состояніи, не есть вещь, а только *возможность* быть вещью. Такъ-какъ это тожественное и единичное

начало существуетъ, по идеѣ Шеллинга, самостоятельно, не стѣняясь никакими условіями, то онъ назвалъ его отрѣшеннымъ отъ условій, или *абсолютомъ* ¹⁾.

«Отдѣльныя существа или недѣлимые, въ которыхъ развивается природа и которыя суть не что иное, какъ ея формы или явленія, тѣсно связаны съ нею, какъ съ своимъ началомъ. Не будь ея, не было бы и ихъ. Возьмите, — говоритъ Шеллингъ, — какойнибудь изъ предметовъ живущихъ, напр. : яблонь, — отдѣлите ее отъ почвы, на которой природа ее произрастила, — удалите отъ земли, воды, воздуха, свѣта и всего, чѣмъ ее питаетъ природа : тогда вы получите не живое существо, а трупъ. Но и природа, въ свою очередь, живетъ во всѣхъ, производимыхъ ею, предметахъ, такъ-что всѣ они вмѣстѣ составляютъ ее».

Нѣтъ нужды и говорить, что это пантеизмъ, для котораго девизомъ служить слѣдующее положеніе : «одно есть все, и все есть одно». Подобное ученіе не ново по своему содержанію ; оно только получило у Шеллинга болѣе систематическое развитіе. Но самъ Шеллингъ чуждался имени пантеиста. Для этого онъ усиливался доказывать, что въ его системѣ не допускается сліянія всего въ одно, — что пребываніе безконечнаго въ конечномъ не есть, какъ самъ онъ выражается, поглощеніе одного другимъ. Однакожь, онъ поставилъ себя на такой точкѣ, что взоръ его сдѣлался почти неспособнымъ точно различать предметы одинъ отъ другаго. Оттого, заговоривъ о различіи безконечнаго и конечнаго, онъ тотчасъ сводитъ это различіе на любимое имъ тожество ; ибо вслѣдъ-за-тѣмъ онъ рассуждаетъ такъ : «конечное есть развитіе безконечнаго, соединенное съ *необходимостью* дѣлать то, чего желаетъ природа, тогда какъ безконечному свойственна *свобода* ; но эта необходимость является

¹⁾ Отъ латинскаго глагола : *absolvere* — отрѣшать.

необходимостью только на низших степенях развитія, по причинѣ чуждых ей формъ, а на высшей степени — въ человѣкѣ — она сознаетъ себя свободою. Слѣд. свобода и необходимость аналогически между собою сходны: это одна и таже сила, которая въ вещи (объектѣ) есть необходимость, а въ лицѣ (субъектѣ) свобода. Чтожь послѣ этого будетъ его безконечное и конечное, какъ не безразличное одно?

При этомъ отождествленіи всего существующаго и возведеніи природы на степень начала, во всемъ дѣйствующаго и все оживляющаго, въ системѣ Шеллинга не могло быть мѣста правильному ученію о Существѣ Верховномъ, какъ Творцѣ міра. Одна крайность угрожала ему другою: пантеизмъ самъ собою пораждалъ атеизмъ. Шеллингъ, кажется, видѣлъ это самъ, и потому, опасаясь прослыть атеистомъ, употребилъ хитрый изворотъ. Онъ находилъ вездѣ въ природѣ сознаніе, мысль, или то, что называется вообще разумностью, духомъ. Это послужило ему основаніемъ для слѣдующаго вывода, который онъ употребилъ, какъ спасительное средство, противъ обвиненій его въ безбожіи. «Существующая въ природѣ мысль, — говоритъ Шеллингъ, — не есть идея, парящая въ пустомъ пространствѣ; но она составляетъ свойство самостоятельнаго и дѣйствительнаго существа: слѣд. есть Верховное Существо, какъ субъектъ все созидающей и все оживляющей мысли — есть Богъ, въ отношеніи къ которому всѣ предметы природы суть не что иное, какъ его идеи и формы этихъ идей». — Но чѣмъ докажетъ онъ намъ, что это Верховное Существо не слито въ его мысляхъ съ природою?... Мы въ-правѣ предполагать въ немъ этотъ грубый пантеизмъ тѣмъ болѣе, что, по его-же словамъ, это безусловное существо, названное имъ абсолютомъ, само сознаетъ себя тождественнымъ со всѣмъ тѣмъ, что въ немъ пребываетъ, а природа вся заключена въ немъ. Гораздо проще и яснѣе взглядъ Шеллинга на явленія природы,

нежели на ея высшія и первыя начала. Движеніе, бытіе, матерія, пространство, время, свѣтъ, электричество, магнетизмъ и гальванизмъ, — предметы, которыхъ доселѣ не касалась философія или касалась только слегка, заняли въ его философій природы довольно обширное мѣсто и расположены имъ въ порядкѣ, которой можно представить въ слѣдующемъ краткомъ извлеченіи.

«*Матерія* есть бытіе въ своей первоначальной формѣ (*primum existens*). Она въ самомъ началѣ содержала въ себѣ все, что существуетъ и будетъ существовать; въ основѣ ея заключена жизнь, обнаруживающаяся постоянною борьбою *расширенія* и *сжатія*; сила расширительная производитъ все матеріальное — *пространство* и *протяженіе*, а сила сжимательная образуетъ *форму* и *предѣлъ*; преемство дѣятельности этихъ силъ есть *время*; дѣятельность, не сознающая себя, выражается въ *движеніи*, а *свѣтъ* въ мірѣ матеріальномъ есть тоже, что сознаніе и мысль въ мірѣ духовномъ. Но тѣ главныя силы, — сила расширенія и сила сжатія, изъ которыхъ изъясняется вся дѣятельность и все движеніе въ мірѣ матеріальномъ, не суть силы, изолированныя между собою: онѣ имѣютъ одну общую связь, — это *магнетизмъ*, составляющій главный законъ природы, и въ борьбѣ тѣлъ, которыя взаимно притягиваются и отталкиваются, являющійся подъ новою формою — подъ формою *электричества*, которое раздѣляетъ то, что соединено магнетизмомъ, такъ-что магнетизмъ есть соединеніе силъ, а электричество — ихъ раздѣленіе: одно изъ этихъ явленій природы стремится къ единству, другое — къ разнообразію, и потому ни одно само по себѣ несовершенно, но оба они соединяются въ *гальванизмъ*, который показываетъ единство въ разнообразіи и разнообразіе въ единствѣ».

Для этихъ явленій, объясняемыхъ Шеллингомъ болѣе остроумно, чѣмъ основательно, онъ искалъ опоры въ химіи, которую поэтому занимался съ особеннымъ стараніемъ. Такъ-названный имъ

химизма вель онъ объ-руку съ гальванизмомъ, стремясь къ тому, чтобы сдѣлать философію знаіемъ всего существующаго и найти въ ней ключъ къ таинствамъ природы, а особенно къ открытію ея законовъ и къ изъясненію развитія ея жизни. Это дало ему возможность начертать картину жизни и дѣятельности природы въ слѣдующемъ размѣрѣ.

«Природа вообще есть *порядокъ* (коорд.) Сама неорганическая природа не есть хаосъ, но представляетъ ходъ дѣйствій, развитій съ совершенною правильностью, хотя не съ должною полнотою. И въ ней есть законъ и жизнь. Произвести различіе въ томъ, что было безразлично; сдѣлать многимъ то, что было одно; развить то, что было завито въ своемъ зародышѣ; однимъ словомъ — образовать отдѣльныя, *недѣлимыя* существа (*individuatō*) — вотъ основной законъ природы на всѣхъ степеняхъ ея развитія! Эта недѣлимость существъ происходитъ въ слѣдствіе развитія всѣхъ вещей изъ того первоначальнаго сѣмени, которое заключаетъ въ себѣ все, но въ неразвитомъ состояніи. Слѣд. отдѣльныя существа живутъ ни сами чрезъ себя, ни сами для себя, но природою и для природы: общее есть источникъ и цѣль частнаго».

«Это общее, какъ начало всѣхъ частныхъ, — продолжаетъ Шеллингъ, — безпрестанно дѣйствуетъ, обращая въ живыя существа землю, воздухъ и воду; но это оживленіе, имѣющее, по словамъ его, свою поэзію, есть или только *видоизмѣненіе* элементовъ матеріи, или совершенное *перетвореніе* ихъ, производящееся посредствомъ химическаго процесса свѣта и матеріи и образующее нѣчто третье — *организмъ*. Весь этотъ, извѣстный намъ, организмъ дѣлится на два класса: классъ *растений* и классъ *животныхъ*. Жизнь растенія, или его прозябаемость, есть процессъ химическій, состоящій въ непрерывномъ разложеніи кислорода и водорода, такъ-что жизнь растительная постоянно переходитъ въ состояніе обезкис-

ленія и оканчивается плодомъ, который составляетъ часть растенія самую обезкисленную и потому стараемую. Жизнь животнаго представляетъ явленія противоположныя. Она, напротивъ того, есть постоянное принятіе кислорода посредствомъ дыханія, а органы животнаго одарены способностью воспламенять жизненный кислородъ. Эта способность есть естественная *раздражимость* тѣла, которая въ свою очередь служитъ началомъ *движимости*. Къ нимъ присоединяется третье свойство, принадлежащее высшимъ органическимъ существамъ — животнымъ — *чувствительность*. Въ этихъ трехъ естественныхъ отправленіяхъ жизнь проявляется, какъ цѣлое органическое. Раздражимость, стремящаяся во внѣшность, есть тоже, что воззрѣніе (*intuitio*), устремляющееся въ отдаленность; но воззрѣнію нуженъ предѣлъ, чтобы не потеряться въ безпредѣльномъ пространствѣ: подобнымъ образомъ раздражимости необходимо препятствіе, чтобы не прійти въ бездѣйствіе отъ недостатка противодѣйствія. Способность раздражаться внутренно и опредѣляться внѣшними впечатлѣніями есть *инстинктъ* — сила могущественная, но бессознательная. Оттого то животное чувствуетъ, но не сознаетъ своихъ чувствованій; оно на ступени, близкой къ человѣку, и есть какъ-бы человѣкъ въ состояніи сна: потому, подобно сонному человѣку, оно не можетъ владѣть собою. Жизнь съ сознаніемъ есть высшій степень организма, на которомъ недѣлимое становится предметомъ для самого себя и дѣлается *духомъ*. Принадлежности духа — сознаніе и знаніе, или мысль и идея, составляютъ послѣдній предѣлъ длиннаго ряда видоизмѣненій природы, преимущественно восходящей отъ видимаго усыпленія къ совершенному бодрствованію и полному сознанію. Всѣ эти измѣненія суть только различныя формы одной и той-же дѣятельности и силы. Слѣд. бытіе и сознаніе, вещь и идея: это — два полюса одного центра, и потому въ своемъ безусловномъ началѣ онѣ тождественны».

Таковъ общій очеркъ Шеллинговой философіи природы. Она оставила много вопросовъ нерѣшенныхъ. Невидно напр. : откуда происходитъ тотъ верховный законъ, которому слѣдуетъ жизнь природы? Отъ нея ли самой, или отъ кого другаго? — Непонятно также, какъ исполняется этотъ законъ и какъ начинается жизнь природы, если нѣтъ другаго высшаго начала: ибо у Шеллинга это высшее начало есть таже природа. Но это былъ первый плодъ юности, который по тому уже самому не могъ быть полнымъ и зрѣлымъ. Шеллингъ самъ, подобно изображаемой имъ природѣ, прошелъ нѣсколько степеней умственного развитія, употребивъ на это цѣлую половину вѣка, а его философія природы занимаетъ только первую степень, за которою слѣдуетъ вторая, представляющая намъ его «философію духа».

Подъ именемъ «философіи духа» германскіе мыслители разумѣютъ не психологію или древнюю пневматологію, но науку о всемъ томъ, что называется духомъ, — науку объ умѣ Божественномъ и человѣческомъ, безусловномъ и условномъ, безконечномъ и конечномъ. Эта отрасль знанія, кажется, была Шеллингу, такъ-сказать, не по душѣ; по крайней мѣрѣ, онъ не занимался изученіемъ духа съ тою ревностью, съ какою слѣдилъ за явленіями природы. Тутъ онъ позволилъ себѣ позаимствоваться многимъ у Канта, Фихте, Гегеля и Кузена, такъ-что его философія духа, будучи, съ одной стороны, результатомъ его философіи природы, съ другой стороны — есть прямое подражаніе упомянутымъ философамъ, а особенно Канту и Фихте, и не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что могло-бы поставить ее наравнѣ съ антропологіею Канта, съ ученіемъ о я Фихте, съ феноменологіею духа Гегеля и съ психологіею Кузена. Онъ только измѣнилъ идеальное ученіе о нашемъ мыслящемъ я своего непосредственнаго предшественника — Фихте, сообразно съ началами, высказанными имъ въ своемъ ученіи о природѣ.

По идеѣ Фихте, наше я производитъ изъ себя все, какъ паукъ извлекаетъ изъ себя нити паутины, и это все есть тоже самое я, потому-что его только существованіе намъ извѣстно. Шеллингъ хотѣлъ уменьшить значеніе этого всеобъемлющаго и единственносущаго начала, давъ дѣйствительное существованіе и тому, что отлично отъ него и чему Фихте далъ названіе *не-я*. Но на самомъ дѣлѣ онъ только, такъ-сказать, перевернулъ ученіе Фихте, сдѣлавъ самостоятельнымъ то, что у него было зависимымъ, а самостоятельное обративъ въ зависимое. По мнѣнію Фихте, природа есть произведеніе нашего духа, и вещи существуютъ только по тому, что мы объ нихъ мыслимъ; а по началамъ Шеллинга, духъ есть не что иное, какъ высшая степень развитія силъ природы. И потому, если одинъ изъ нихъ производитъ міръ силою своего духа, то другой, въ свою очередь, дѣлаетъ духъ произведеніемъ міра; одинъ возвышаетъ наше я на степень творца всего, насъ окружающаго, — другой обращаетъ *не-я* въ сѣмя, произрастающее изъ себя и самое я.

Безполезно было бы входить во всѣ подробности этого ученія, потому-что здѣсь повторено Шеллингомъ почти все то, что было сказано имъ въ философіи природы, только съ видимымъ примѣненіемъ этого къ духу, который, на основаніи своего тождества съ природою, проходитъ тѣже степени и является въ тѣхъ-же формахъ, какія свойственны развитію природы. Мы только представимъ здѣсь общую параллель, открытую Шеллингомъ между развитіемъ духа и развитіемъ природы и проведенную имъ по всѣмъ степенямъ этого развитія.

Такъ — тремъ силамъ, замѣченнымъ на первой степени развитія природы, соотвѣтствуютъ у него три силы духа : расширенію — чувствованіе, сжатію — углубленіе въ самого себя или рефлексія, а тяжести — свобода. На второй степени — съ природнымъ ма-

гнетизмомъ привелъ онъ въ соотвѣтствіе духовную индивидуальность, съ электричествомъ — духовную дѣятельность, съ химизмомъ — исторію, въ которой являются нравственные индивидуумы съ свойственною имъ дѣятельностью. Невѣдомо только, что Шеллингъ поставилъ въ параллель галванизму : не жизнь ли духа вообще, которая, по словамъ его, собственно начинается тамъ, гдѣ оканчивается исторія? На третьей степени — природной воспроизводительности соотвѣтствуетъ духовное самовозбужденіе, раздражимости — созерцаніе и наблюденіе, движимости — художественное творчество. За тѣмъ духъ и природа между собою отождествляются.

Нельзя отвергать, что этотъ параллелизмъ имѣетъ свой смыслъ и притомъ глубокий, но, чтобы открыть его, для этого нужны тонкія соображенія и остроумныя сближенія духовнаго съ матеріальнымъ; съ другой стороны, это не столько плодъ изысканій ума, сколько игра воображенія, которая слишкомъ заманчива своею новостью, но не совсѣмъ благопріятна своими результатами : ибо она приводитъ и дѣйствительно привела Шеллинга къ слѣдующимъ заключеніямъ, что предметы суть тѣже идеи ума, и что природа виѣшняя съ своими законами тождественна съ природою внутреннею и съ ея законами, такъ-что природа и духъ суть только двѣ особыя формы одной и тойже субстанціи. Эту тождественность ихъ подтверждаетъ онъ произведеніями духа въ области искусствъ. Идеальный міръ искусствъ и реальный міръ природы, — это, говоритъ онъ, результаты одной и тойже дѣятельности : ибо дѣятельность, сознающая себя, въ соединеніи съ дѣятельностью безсознательною, производитъ въ царствѣ природы міръ изящныхъ формъ, а въ царствѣ искусства міръ изящныхъ идеаловъ. Оттого философія искусства, или «эстетика», есть у него истинная философія, обнимающая природу и духа. Вотъ почему Шеллингъ занимался ею болѣе, нежели всякою другою отраслю философіи духа : болѣе наприм. чѣмъ логикою, психологіею и

этикою. Этому занятію благопріятствовала возложенная на него должность секретаря академіи изящныхъ искусствъ, легко удовлетворявшая страсти его къ памятникамъ древности. Въ своей «системѣ трансцендентальнаго идеализма» онъ представилъ собственную теорію искусствъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

«Искусство есть единственный органъ, посредствомъ котораго философія высказываетъ себя во-виѣ. Оно открываетъ философу первоначальную связь природы и исторіи, жизни и дѣятельности, дѣйствительнаго и идеальнаго. Природа есть поэма, написанная таинственными буквами, смыслъ которыхъ постигается только тогда, когда замѣчаются въ ней дѣйствія духа. Если одно только искусство можетъ представить виѣшно то, что въ философіи представляется существующимъ внутри насъ; то отсюда легко заключить, что философія, порожденная и воспитанная поэзіею, подъ конецъ своего развитія должна снова слиться съ нею, какъ сливается потокъ съ своимъ источникомъ. Средствомъ къ этому должна служить мнѳологія, возрожденіе которой составляетъ проблему, зависящую въ своемъ рѣшеніи отъ будущаго назначенія міра и развитія человѣчества».

Все это имѣетъ характеръ слишкомъ пинтической, чуждый философской отчужденности. Вы хотите знать, что заставляетъ философію обратиться къ поэзіи? — Шеллингъ отвѣчаетъ вамъ : мнѳологія. Вы спрашиваете далѣе : какая это мнѳологія? Онъ говоритъ вамъ : мнѳологія будущая, новая. Когда и какъ ожидать ее? При концѣ временъ, въ-слѣдствіе развитія человечества и осуществленія его назначенія. Во всемъ этомъ много поэзіи, но мало истинной философіи!

Перейдемъ теперь къ послѣдней части системы Шеллинга — къ его «философіи откровенія», которая съ давняго времени составляетъ любимый предметъ занятій этого философа и которой онъ предался въ старости съ жаромъ юности.

И прежде, въ философіи духа и въ философіи природы, Шел-

лингъ искалъ верховнаго и безусловнаго начала, или Бога. Но особенное ученіе объ этомъ началѣ онъ представляетъ намъ въ своей «философіи откровенія». Приступая къ ней, естественно приходимъ къ слѣдующимъ вопросамъ: какое откровеніе разумѣть Шеллингъ — Иудейское или Христіанское? — Не сбѣлся ли онъ въ своей старости мыслителемъ чисто-религіознымъ, предпочитающимъ вѣру уму, какъ это видимъ въ Паскаль? — И не есть ли его философія откровенія таже мистика, какую находимъ у Малерабраша и Фенелона?

На эти вопросы должны мы отвѣчать большею частію отрицательно. Правда, Шеллингъ признаетъ два откровенія — Иудейское и Христіанское, но его способъ разумѣнія ихъ не имѣетъ ничего общаго со взглядомъ двухъ поименованныхъ нами философовъ — Малерабраша и Фенелона, равно-какъ и съ ученіемъ Лейбница, тщательно изучавшаго того и другаго. Какъ въ философіи природы, Шеллингъ не остановился на Лейбницѣ, но перешелъ къ Спинозѣ; не удовольствовался Бакономъ и Аристотелемъ, но проникъ глубже въ древность и дошелъ до Парменида и Ксенофана: такъ и въ философіи откровенія, для него недостаточно было ученія мыслителей XVII столѣтія, но онъ захотѣлъ узпуть, какъ смотрѣли на этотъ предметъ писатели первыхъ вѣковъ Христіанства — Филопъ, Оригенъ, Климентъ Александрійскій и Гностики. Вездѣ восходилъ онъ къ высшимъ вопросамъ философіи путемъ поэзіи. Но, если гдѣ, то въ философіи откровенія преимущественно видна въ немъ восторженность поэта. Здѣсь поэзія, мифологія, преданія, вѣрованія, памятники всѣхъ народовъ и искусства всѣхъ временъ играютъ весьма важную роль. Но съ перваго взгляда ничего, кажется, не можетъ быть проще, какъ мысль его объ Откровеніи.

«Основныя истины, говоритъ онъ, мы знаемъ единственно изъ Откровенія, а особенно ту истину, что міръ сотворенъ Богомъ.

Откровеніе есть не что иное, какъ исторія, обнимающая и развивающая все съ начала міра до конца». — Чтожъ такое будетъ философія откровенія? Есть ли это философія, данная уму откровеніемъ? Но откровеніе не даетъ философіи, потому-что она должна быть собственнымъ произведеніемъ ума. — Или это есть философія ума, основанная на откровеніи? Но умъ для своего зданія долженъ найти и основаніе въ самомъ себѣ. — Шеллингъ и самъ не опредѣлилъ точно ея значенія. Кажется, онъ былъ болѣе той мысли, что это «философія объ откровеніи». Но и такое опредѣленіе ея не чуждо возраженій. Что можетъ сказать философія объ Откровеніи? Какой можетъ быть судъ ума въ области, ему недоступной? Конечно, онъ можетъ подвергнуть собственному сужденію откровенныя истины; но по его ли силамъ дать судъ объ нихъ рѣшительный и вѣрный? а вызывать эти высокія истины для своихъ предположеній и догадокъ: это свойственно не здоровой философіи, но легкомысленной пылкости. Однакожъ, несмотря на то, область новѣйшей германской философіи наводнена теперь умственными теоріями религіи. Эти теоріи представляютъ намъ не философію Откровенія, которую онъ общають своимъ названіемъ, а смѣсь философіи, превращенной въ религію, и религіи, перетворенной въ философію, которая не можетъ удовлетворять ни философовъ, ни Богослововъ. Такова и философія откровенія Шеллинга. Въ ней онъ какъ будто отказывается отъ философіи, чтобы, такъ-сказать, угодить религіи, между-тѣмъ какъ не удовлетворяетъ ни той, ни другой.

«Надобно, говоритъ онъ, быть искренну, потому-что искренность есть первое условіе знанія. Слѣдуя этому правилу, должно, продолжаетъ онъ, или отвергнуть Откровеніе, или допустить, что оно содержитъ въ себѣ то, чего нѣтъ въ умѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что вѣрно послѣднее. Въ такомъ случаѣ, повидимому, нѣтъ ничего безразсуднѣе, какъ усиливаться уму постигнуть то, что выше его. Но,

съ другой стороны, послѣднее назначеніе ума состоитъ въ достиженіи высшаго знанія, а это знаніе есть вѣра, которая представляетъ уму надежную пристань на бурномъ океанѣ сомнѣній. Къ этой-то пристани и должно стремиться, — къ вѣрѣ должно быть приведено все наше знаніе. Вся мудрость заключена въ Иисусѣ Христѣ, и весьма справедливо замѣтилъ С. Августинъ, что «кромя знанія Христа нѣтъ другаго знанія (Praeter Christum scire est nihil scire)». — Фелонъ и Малекраншъ также утверждали, что умъ долженъ преклониться предъ Откровеніемъ и отъ него поучаться истинѣ и добру. Но это смиреніе ума часто перерождается въ гордость, и особенно когда онъ берется философствовать объ Откровеніи, какъ это мы тотчасъ увидимъ въ Шеллинговой философіи откровенія.

«Я, говоритъ Шеллингъ, вѣрю въ воплощеннаго Сына Божія и признаю все содержаніе Откровенія за дѣйствительный фактъ, хотя оно таинственно. Но я хочу изъяснить эти таинства». — Предпріятіе, повидимому, весьма скромное. Шеллингъ не думаетъ уничтожать таинства религіи, какъ это сдѣлали другіе, а только хочетъ дать имъ опредѣленный смыслъ; онъ увѣряетъ всѣхъ, что его философія откровенія не есть система догматовъ вѣры, а только ихъ изъясненіе. Но скромная роль истолкователя, давъ ему право опредѣлять смыслъ Откровенія, дала вмѣстѣ съ тѣмъ возможность раздвинуть предѣлы этого права до того, что изъ истолкователя религіи, онъ сдѣлался судіею ея, творцомъ и образователемъ. Этому, судя по предпріятію Шеллинга, нельзя было и не быть. Двойное положеніе ума представляется возможнымъ въ отношеніи къ Откровенію, смыслъ котораго онъ берется объяснять, а именно: или онъ понимаетъ его, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ нѣтъ надобности въ изъясненіи, а во второмъ — изъясненіе невозможно. И потому Откровеніе, какъ ученіе, превышающее понятія ума, нѣтъ средства сдѣлать предметомъ философіи, какъ этого желалъ Шеллингъ. И дѣйствительно — это не

изреченіе Пифагора, не поэма Сибиллы. Можно изъяснять изъ началъ ума ученіе мнимыхъ откровеній, которыхъ преданія, мифы и символы не имѣютъ опредѣленнаго смысла и представляютъ идеи весьма обоюдныя и неточныя; а тексты С. Писанія заключаютъ въ себѣ ученіе хотя таинственное, но представленное въ выраженіяхъ положительныхъ, смыслъ которыхъ опредѣленъ голосомъ Церкви, руководимой внушеніями ума Божественнаго. Но Шеллингъ смѣшалъ Откровеніе съ мифологіею, и, изъясняя послѣднюю, полагалъ, будтобы этимъ объясняетъ онъ Откровенію Религію. Такимъ самообольщеніемъ онъ началъ свою философію откровенія, и — сперва какъ будто обрекъ умъ на безусловное подчиненіе Откровенію, но въ послѣдствіи совершенно подчинилъ Откровеніе уму; вступивъ въ область религіи плѣнникомъ, онъ является потомъ ея поработителемъ, и поступаетъ съ истинами Откровенія такъ, какъ будто онъ въ состояніи не только понимать ихъ, но доказывать и обращать въ свою собственность, такъ-что въ его мудрованіяхъ Откровеніе перестаетъ уже быть ученіемъ, *превосходящимъ всякій умъ*, но поставляется наравнѣ со всеми умственными произведеніями: ибо, по его-же словамъ, оно было знаніемъ ума прежде своего обнародованія, т. е. въ возможности, а въ дѣйствительности, или по своемъ объявленіи, оно потеряло это свойство.

И новѣйшее ученіе Шеллинга, въ сущности своей, мало отличается отъ этихъ его юношескихъ мечтаній. Вступивъ на кафедру Берлинскаго университета, онъ объявилъ въ первомъ своемъ чтеніи, что онъ останется вѣренъ духу своей системы, и только измѣнитъ нѣкоторыя ея частности. И дѣйствительно — онъ и теперь также изъясняетъ 3-ю главу Бытія, какъ изъяснялъ ее, назадъ тому пятьдесятъ лѣтъ, т. е. мифически, и, изложивши въ своихъ публичныхъ чтеніяхъ философію откровенія, онъ перешелъ потомъ къ философіи мифологіи, которую излагалъ съ прежнимъ политическимъ жаромъ.

Откуда-же взяты имъ основныя идеи этой философіи, и какія онѣ? Идеи эти взяты изъ Христіанскаго Откровенія и представлены въ томъ-же порядкѣ, въ какомъ онѣ слѣдуютъ въ системахъ Бого-словскихъ, даже удержаны имъ тѣ термины, какіе опредѣлила для нихъ сама Церковь; но смыслъ для нихъ почерпнутъ изъ другихъ источниковъ: изъ языческой философіи, древней мѣологіи и изъ ученія древнихъ Христіанскихъ еретиковъ, извѣстныхъ подъ именемъ Гностиковъ. Въ подтвержденіе этого, приведемъ нѣчто изъ представленнаго имъ здѣсь ученія о Богѣ.

Изъ философіи природы и философіи духа извѣстно уже, что такое въ ученіи Шеллинга Богъ. Это «абсолютъ». Извѣстно также и то, что разумѣлъ онъ подъ абсолютъ. Это «единство всего». Но въ философіи откровенія онъ олицетворяетъ свою идею Бога, обращая ее въ существо дѣйствительное, личное и самостоятельное. Разсматривая и опредѣляя природу этого существа, онъ имѣлъ въ виду тексты С. Писанія, но въ изъясненіи ихъ руководствовался языческими поэтами — Гезіодомъ и Гомеромъ, а равно Гностиками, Теософами XVI столѣтія и пантеистическимъ ученіемъ Спинозы. Понятіе его о Богѣ, какъ о началѣ, все изъ себя производящемъ и все въ себя поглощающемъ (Urgrund und Abgrund), весьма близко къ понятію о той единой субстанціи Спинозы, по отношенію къ которой все существующее есть только ея видоизмѣненіе (modus), изъ нея происходящее и въ ней пребывающее (immanens), а три различныя степени проявленія этой субстанціи, сперва въ видѣ бытія безсознательнаго и бездѣйственнаго (blinde seyn), потомъ въ видѣ силы дѣйствующей и начинающей сознавать себя (seyn könnende) и наконецъ въ видѣ существа такого, какимъ она должна быть по своей природѣ (seyn sollende), — взяты изъ гностическихъ понятій объ эонахъ и различныхъ степеняхъ ихъ. Изъ подобнаго же нечистаго источника почерпнуто имъ и ученіе о Богѣ, какъ

существомъ, достигающемъ своего совершенства и блаженства только подъ условіемъ существованія міра, — ученіе, совершенно противное природѣ Бога, какъ существа совершеннѣйшаго, которое имѣетъ источникъ своего блаженства въ самомъ себѣ — въ созерцаніи своихъ безконечныхъ совершенствъ.

Одна неправильная идея повлекла за собою рядъ другихъ, ей подобныхъ. Признавъ твореніе міра необходимымъ условіемъ совершенства и блаженства Бога-Отца, Шеллингъ полагаетъ также, что воплощеніе есть необходимое условіе совершенства Бога-Сына, а дѣйствіе въ сердцахъ людей есть условіе совершенства Бога-Духа. Такимъ образомъ, міръ и человекъ становятся въ его понятіяхъ чѣмъ-то такимъ, изъ чего развивается полнота Божественной природы. Это уже противно и основному понятію самого Шеллинга о томъ единомъ началѣ, изъ котораго онъ производитъ все, не производя его самого ни изъ чего.

Остановливаясь далѣе на паденіи человека и происшедшемъ отсюда злѣ, — вводя въ свою систему ученіе объ Ангелахъ и демонахъ, — разсуждая объ искупленіи и возстановленіи человека и вообще о Христіанствѣ, Шеллингъ беретъ по произволу тексты С. Писанія и даетъ имъ свой превратный смыслъ. Слѣдить за развитіемъ его мыслей на этомъ пути мы не намѣрены, потому-что онъ является здѣсь не философомъ, развивающимъ собственныя идеи изъ началъ ума, а восторженнымъ поэтомъ, увлекающимся толками различныхъ сектъ, древнихъ и новыхъ. Тутъ у него собраны, такъ сказать, въ одну группу: и Иудейская каббала съ своимъ «адамъ-кадмонъ» или земнымъ человекомъ, и Филопова мистика съ своимъ «словомъ» (λόγος) или идеальнымъ міромъ, и Гностическая теософія съ своею небесною «софіею» или душою міра, и Неоплатоническая теургія съ своими Божественными началами, вообще — всѣ ереси философіи и религіи, вся мѣологія Грековъ и Римлянъ, съ тою

цѣлью, чтобъ примѣнить Откровеніе къ началамъ принятой имъ системы и чтобъ такимъ образомъ получить содержаніе для своей философіи религіи, которая, въ существѣ своемъ, есть не что иное, какъ толкованіе откровеннаго Христіанскаго ученія не по истиннымъ преданіямъ и указаніямъ Церкви, ни даже по началамъ здраваго ума, но по чистымъ вымысламъ фантазіи.

III.

Несмотря на всю свою терпимость, Германія подвергла строгой критикѣ систему Шеллинга. Можно составить значительную бібліотеку изъ книгъ, написанныхъ противъ него и въ его защиту. Особенно сдѣлалась предметомъ критическихъ изслѣдованій послѣдняя часть его системы, содержащая въ себѣ философію откровенія. На нее нападали и теперь нападаютъ съ особенною силою. Противники Шеллинга осуждаютъ въ немъ даже то, что можетъ быть признано достойнымъ похвалы, напр. : его прогрессивное развитіе мыслей, укоряя его въ томъ, что понятія его съ теченіемъ времени измѣнялись и принимали различные фазы. Въ философіи подобныя метаморфозы неизбѣжны; онѣ показываютъ видимое усовершенствованіе ея, и — мало было такихъ мыслителей, которые не прошли бы нѣсколько возрастовъ своего умственнаго развитія, подобно какъ это видимъ въ Шеллингѣ. Напротивъ того, надобно отнести къ чести этого философа то, что онъ ко всему прислушивался, за всѣмъ слѣдилъ, все изслѣдовалъ и узнавалъ, въ продолженіе своей болѣе-чѣмъ пятидесятилѣтней философской дѣятельности. Это показываетъ, что онъ самъ чувствовалъ недостаточность своей системы и старался объ исправленіи ея и улучшеніи; но его старанія не всегда были успѣшны отъ того, что онъ не всегда попадалъ на прямой путь, и потому, вмѣсто истины, находилъ заблужденіе

и обманъ. Безспорно, что въ ученіи Шеллинга много поэзіи, можетъ - быть болѣе, чѣмъ философіи : языкъ, тонъ и основа его мыслей — все дышетъ поэзіей. Онъ самъ не скрывалъ этого, но ясно высказывалъ свою страсть къ изящнымъ искусствамъ и свое убѣжденіе въ томъ, что философія какъ проросла изъ поэзіи, такъ и должна къ ней возвратиться. Поэтому неудивительно, что иногда гордился узелъ какой либо метафизической проблемы рѣшается у него вольностью поэта. Но обращать въ поэму всю его систему, подобно какъ обращена имъ въ поэму вся природа, это значило бы судить о немъ съ большимъ преувеличеніемъ его недостатковъ. Напротивъ того извѣстно, что онъ обладаетъ мышленіемъ въ высшей степени философскимъ, что многія его мысли запечатлѣны характеромъ отчетливыхъ, глубокихъ и основательныхъ сужденій, что нѣкоторыя страницы его системы показываютъ въ немъ истиннаго и здравомыслящаго философа, и что даже въ томъ, что высказано имъ о религіи и откровеніи, иногда просвѣчиваетъ лучъ истинной философіи.

Немалъ также не видѣть и того, что элементъ мнѣологическій проникаетъ все его ученіе. Шеллингъ, можно сказать, началъ жить въ области мнѣологіи съ того времени, какъ началъ мыслить; онъ всегда занимался мнѣологіею съ особеннымъ пристрастіемъ и съ необыкновеннымъ жаромъ, а мнѣологія сама собою привела его къ таинственности, или къ такъ-называемому мистицизму. Оттого-то Шеллингъ любитъ умозрѣнія Гностиковъ и мистическое ученіе Теософовъ, но самъ онъ ни гностикъ, ни мистикъ, и въ своемъ ученіи отличается какъ отъ Василида, такъ и отъ Якова Бѣма. Тѣ въ своихъ умозрѣніяхъ слишкомъ выпрекали и мечтательны, а онъ умѣряетъ свое умственное пареніе приведеніемъ своихъ мыслей къ извѣстнымъ началамъ, которыя казались ему ясными, точными и основательными. Главное, въ чемъ укоряютъ Шеллинга, — это пантеизмъ, кото-

рый не различает Бога отъ міра, но признаетъ ихъ тождественными. Дѣйствительно — въ своей философіи природы Шеллингъ является чистымъ пантеистомъ, послѣдователемъ Ксенофана, который утверждалъ, что есть только одно, а все прочее намъ кажется существующимъ, но на самомъ дѣлѣ самобытнаго существованія оно не имѣетъ, — равно какъ и послѣдователемъ Спинозы, который допускалъ только одно самобытное существо, полагая, что все прочее есть его видоизмѣненіе. Этимъ единственнымъ существомъ Шеллингъ признавалъ матеріальную природу, такъ-что душа міра, духъ человѣка и Богъ — представляются въ его системѣ, если не произведеніями природы, то, по крайней мѣрѣ, чѣмъ-то такимъ, что развивается изъ нея, какъ изъ сѣмени: ибо природа, по мѣрѣ своего развитія, доходитъ до самознанія, а существо сознающее себя и есть, по словамъ Шеллинга, Богъ. Но въ философіи откровенія онъ понялъ свою ошибку, и въ настоящее время старается ее исправить; теперь свое ученіе о Богѣ онъ усиливается не только изъ всебожія перенести въ единобожіе, но даже желалъ бы сблизить съ ученіемъ Христіанскимъ: только избранный имъ путь мифологіи и ложныхъ ученій не приведетъ его къ желанному концу.

Сравнивая его философію съ философіею предшествовавшей, нельзя признать ее ученіемъ совершенно-новымъ. Ближайшимъ образомъ ее приготовили Кантъ и Фихте, а первыя основанія ея находимъ у Спинозы, Гностиковъ, Платона и Ксенофана. У Спинозы Шеллингъ занялъ понятіе о единствѣ начала, совмѣщающаго въ себѣ бытіе и мысль, подобно какъ субстанція Спинозы все изъ себя производитъ и все въ себѣ содержитъ. Платонъ подалъ ему мысль о томъ, что всякая вещь носитъ въ себѣ идею всѣхъ своихъ индивидуальныхъ развитій. Гностикамъ принадлежитъ ученіе объ истеченіи вещей и возвращеніи ихъ къ своему началу, которое господствуетъ во всей его философіи откровенія. Изъ С. Писанія

почерпнулъ онъ начала для своей теоріи паденія и искупленія человѣка, а мифологія доставила ему содержаніе для ученія о духахъ, или для такъ-называемой пневматологіи. Но несмотря на то, что философія Шеллинга представляетъ такую смѣсь мнѣній и понятій, она заслужила въ Германіи такое вниманіе, какимъ не пользовалась почти ни одна изъ системъ новѣйшихъ философовъ: имя Шеллинга произносится на кафедрахъ всѣхъ ея университетовъ съ особеннымъ уваженіемъ; сочиненія его читаютъ и изучаютъ съ необыкновенною жадностью.

Не трудно понять причину того всеобщаго вниманія, какимъ пользуется Шеллингъ. Она заключается въ томъ, что, хотя онъ слѣдовалъ другимъ, но, обладая рѣдкимъ даромъ мышленія, умѣлъ изъ всякой заимствованной имъ теоріи сдѣлать такое употребленіе, что она становится у него ученіемъ новымъ и почти оригинальнымъ. Его напр. философія природы такъ смѣла и возвышенна, чтъ съ нею не можетъ сравниться никакая изъ древнихъ формъ пантеизма, несмотря на то, что онѣ послужили ей основою. Кроме того онъ не могъ не быть замѣченъ всѣми уже по тому, что его взглядъ обнималъ все: міръ нравственный и физическій, философію и религію, мифологію и исторію, поэзію и искусства, а это всестороннее направленіе ума его должно было оказать особенное вліяніе на различныя отрасли наукъ и привлечь къ нему вниманіе всякаго, кто хотѣлъ ими заняться. И дѣйствительно — философія, физика, медицина, науки юридическія, литература и искусства — получили въ Германіи съ этого времени лучшее направленіе и новыя формы, значеніе которыхъ вполнѣ объясняется тамъ, откуда онѣ заимствованы, т. е. въ ученіи Шеллинга. Можно сказать, что тѣ не могутъ хорошо понять нынѣшней Германіи, которые не ознакомились съ Шеллингомъ и его твореніями; ибо имъ неизвѣстенъ идиотизмъ мысли и языка его школы, который проникъ собою всю германскую литера-

туру и сдѣлался замѣтнымъ даже въ германскомъ обществѣ. Отличнѣйшіе писатели, особенно Сѣверной-Германіи, не вездѣ могутъ быть постигнуты тѣмъ, кто не посвященъ въ таинства новѣйшей Шеллинговой философіи, потому что всѣ они болѣе или менѣе состоятъ подъ ея вліяніемъ. Вся великая борьба между Христианствомъ и такъ-называемымъ «деизмомъ», перенесшая въ Германію изъ Англіи и Франціи, получила для себя новую пищу въ Шеллинговой философіи природы. Соображая все это, нельзя не допустить особеннаго вліянія философіи Шеллинга на Германію, и потому виновника этого вліянія нельзя не признать мыслителемъ «геніальнымъ». Чтобы привести въ такое волненіе умы другихъ, для этого нужно самому имѣть особенную силу мысли и слова — этихъ существенныхъ качествъ генія, которыя бывають въ немъ всегда неразлучны. — Появленіе Шеллинга на горизонтѣ германской философіи было совершенно отлично отъ появленія Канта: тотъ подвигался медленно, а онъ возникъ какъ-бы внезапно. Это знакъ, что одинъ одолженъ своею славою труду, а другой — дарованію. Философія Шеллинга быстро увлекла за собою толпу послѣдователей и подражателей. Клейтъ, Стеффенсъ, Трокслеръ, Окенъ, Виндишманъ, Шеллеръ, Баадеръ, Кизеръ, врачъ Карлъ Шеллингъ (его братъ), Шубертъ, баронъ Вальтеръ, Веберъ, Бурдахъ и Гегель — всѣ они усвоили себѣ главныя начала его системы; а Танперъ, Астъ, Рикснеръ, Крейцеръ, Солгеръ, Герресъ, Луденъ, Добъ, Циннеръ, Краузе, Канне и многіе другіе — приложили эти начала къ разнымъ отраслямъ человѣческихъ знаній.

Но Гегель, сдѣлавшій болѣе всѣхъ ихъ успѣха на пути, проложенномъ Шеллингомъ, первый-же явно возсталъ противъ своего учителя. Мыслитель строгій, логически-послѣдовательный и основательный, онъ тотчасъ увидѣлъ въ ученіи Шеллинга обольстительное преобладаніе поэзіи надъ философіей, и съ душевнымъ

прискорбіемъ замѣтилъ, что истинный философъ не долженъ увлекаться заманчивыми призраками фантазіи. «Стремясь къ фантастическимъ наслажденіямъ, неблагоприятные ученики Шеллинга скоро, говорятъ онъ, потушатъ тусклый свѣтъ лампы, зажженной ихъ учителемъ»¹⁾.

Замѣчаніе совершенно справедливое. Этотъ новый путь умозрѣній, открытый Шеллингомъ, который, впрочемъ, отчасти былъ извѣстенъ и неоплатонику Плотину, легко могъ вести къ пѣтическимъ мечтамъ, какъ это было въ философіи Александрійской, и какъ дѣйствительно поступили нѣкоторые энтузіасты, которые уронили въ общемъ мнѣніи натуральную философію Шеллинга. Гегель, предвидя эти слѣдствія прежде, чѣмъ они обнаружались, попытался извлечь изъ афоризмовъ Шеллинга ученіе, логически-стройное и полное. Но эта попытка повлекла его далеко: онъ увидѣлъ, что система Шеллинга лишена надлежащей основы, и потому рѣшился совершенно измѣнить ее, въ чемъ наконецъ и успѣлъ, такъ-что изъ друга и послѣдователя Шеллинга сдѣлался его противникомъ и основателемъ новой школы.

Примѣръ Гегеля былъ соблазнителенъ и для другихъ. Число противниковъ Шеллинга сдѣлалось наконецъ слишкомъ велико. Послѣдователи Фихте, ученики Канта и вообще всѣ тѣ, кои были преданы формамъ науки, усовершеннымъ со временъ Вольфа, сдѣлались его антагонистами. Якоби, мыслитель вѣрующій и религіозный, уличалъ его въ пантеизмъ, полагая даже, что въ основѣ этого пантеизма лежитъ атеизмъ, получившій только нѣкоторую благовидную форму. Ученый прелатъ, докторъ Сюскиндъ (Süsskind), въ своемъ сочиненіи: «Изслѣдованіе Шеллингова ученія о Богѣ, твореніи, свободѣ, добрѣ и злѣ (1812 г.)», доказывалъ, что изъ началъ Шеллинга легко вытекаетъ не только тожество физики и нравствен-

¹⁾ Matter. Histoire de l'école d'Alexandrie. 2 edit. pag. 232 — 350.

ности, но даже нравственности и безнравственности. Одинъ изъ прежнихъ приверженцевъ Шеллинга, Эшенмайеръ, сталъ учить, что учене его, разрушая личность и свободу, уничтожаетъ нравственность и политику. Фихте ограничился, въ отношеніи къ Шеллингу, только тѣмъ, что защищалъ собственное учене противъ его нападеній. Бутервекъ и Фризь такимъ-же образомъ были защитниками системы Канта, которую они измѣнили, но не желали, чтобы она совершенно была подавлена системою Шеллинга. Кругъ, оставившій много полезныхъ компиляцій и брошюръ, содержащихъ политическаго и религіознаго, старался удержать свой «общій смыслъ», и потому также возсталъ противъ Шеллинга. Кёппенъ, писатель сколько религіозный, столько-же и ученый, явился защитникомъ истинъ Откровенія, которыя онъ понималъ правильнѣе и вѣрнѣе Шеллинга. Не говоримъ уже о другихъ противникахъ его, менѣе замѣчательныхъ, которые особенно возставали противъ Шеллинговой философіи природы. Но борьба эта не осталась безъ благотворныхъ слѣдствій: она, съ одной стороны, нѣсколько охладила энтузіазмъ послѣдователей Шеллинга, и такимъ образомъ не допустила ихъ до тѣхъ крайностей, въ какія могло вовлечь и дѣйствительно вовлекло нѣкоторыхъ изъ нихъ восторженно-пнтическое настроеніе ихъ духа; съ другой стороны — побудила многихъ изъ нихъ лучше изслѣдовать начала новой системы, давъ такимъ образомъ возможность выказаться отличнымъ умамъ и занять важное мѣсто въ исторіи повѣйшей философіи, какъ это удалось болѣе всѣхъ Гегелю.

Но число противниковъ Шеллинга всегда было, можно сказать, ничтожно въ сравненіи съ числомъ его приверженцевъ. Мало умовъ такихъ, которые могли бы равняться ему въ искусствѣ понимать и излагать высокія метафизическія проблемы, въ искусствѣ придавать своимъ мыслямъ особенную важность, силу и вѣсъ, и въ искусствѣ выражать ихъ и раскрывать со всею увлекательностью человѣческаго

слова. Шеллингъ есть такой наставникъ и писатель, который умѣетъ внушить своимъ слушателямъ и читателямъ, особенно если они находятся еще въ юномъ возрастѣ, большую привязанность къ себѣ и особенный энтузіазмъ, такъ-что при этомъ легко ускользаютъ отъ ихъ вниманія недостатки его генія, къ которымъ преимущественно можно отнести частое несоблюденіе строгой послѣдовательности мыслей и поспѣшное поступленіе отъ основаній къ слѣдствіямъ.

Есть еще черта, неоспоримо принадлежащая Шеллингу: это его обширная начитанность, соединенная съ особеннымъ даромъ извлекать изъ всего то, что есть болѣе увлекательнаго. Но эту черту ставятъ ему въ укоръ. Она, по мнѣнію нѣкоторыхъ, лишила его оригинальности и была причиною того, что онъ вложилъ только въ новыя формы учене старое и притомъ чужое. Это — говорить Шелле въ своей брошюрѣ о Берлинѣ, Шеллингъ и Гегелъ — есть не что иное, какъ учене Элеатовъ, Гностиковъ, Бѣма и Гегеля. Отличіе у Шеллинга — продолжаетъ онъ — то, что взято имъ у другихъ, тогда останется только шитье, которымъ онъ умѣлъ испестрить готовое платье, составленное изъ разныхъ кусковъ. — Но если это платье стройно и изящно, то для чего нападать на художника вмѣсто того, чтобы отдать должную справедливость его искусству? Для чего требовать отъ человѣка, чтобы онъ непременно изобрѣталъ, — отъ философа, чтобы онъ вновь изобрѣталъ? Не довольно ли для мыслителя развивать мысли? Если учене Шеллинга изложено имъ лучше, чѣмъ его предшественниками, то и за это уже онъ заслуживаетъ похвалы и одобренія. Конечно, надобно представлять вещи въ ихъ естественномъ свѣтѣ, и, отдавая должную справедливость уму и труду этого философа, не должно увлекаться обманчивымъ взглядомъ тѣхъ энтузіастовъ, которые приняли его философію природы за окончательное раскрытіе истины; потому-что

она и въ самой системѣ Шеллинга составляла только первый камень; особенно-же потому, что этотъ камень положенъ на основаніи зыбкомъ и нетвердомъ. Говоря это, мы высказываемъ не собственные мысли, но сужденія благоразумнѣйшихъ изъ послѣдователей Шеллинга, которые, бывъ чужды самообольщенія, тотчасъ замѣтили, что единство, допущенное имъ между міромъ и Богомъ, матеріею и духомъ, годится только въ теоріи, но на самомъ дѣлѣ разумъ не можетъ оправдать его, — что смѣлый мыслитель выступилъ изъ гипотезы, вмѣсто того, чтобъ идти отъ несомнѣннаго начала, и что принятая имъ гипотеза можетъ привести его только къ новымъ гипотезамъ, какъ это дѣйствительно и было. Шеллингъ и самъ видѣлъ, что положительность познаній, какой онъ искалъ прежде, для него невозможна, и что ему остаются одни предположенія. Оттого-то онъ обратился къ поэзіи и мифологіи, гдѣ открылось ему обширное поле гаданій и предположеній, которыми онъ думаетъ восполнить недостатокъ точныхъ познаній.

Но недостатки Шеллинга; безъ сомнѣнія, закрываются его совершенствами, если вся Германія, несмотря на частые переходы его отъ одной крайности къ другой, почти всегда болѣе или менѣе ему слѣдовала, принимая на себя, такъ-сказать, всѣ виды его превращеній. Правда, было время, когда она вовсе его оставляла; но это дѣлала она какъ-бы съ тѣмъ, чтобы потомъ принять его радушиемъ. Такъ — первоначальное вліяніе Шеллинга продолжалось только до тѣхъ поръ, пока онъ не совершилъ полного круга своихъ предположеній, составившихъ содержаніе его философіи природы. За тѣмъ, какъ сама эта философія, такъ и авторъ ея, лишились того всеобщаго вниманія, какимъ пользовались было въ началѣ. Ибо тѣ изъ современниковъ Шеллинга, которые понимали истинное значеніе философіи и ея предѣлы, отвергли это ученіе, выступающее изъ границъ, тотчасъ при его появленіи; другіе-же должны были въ-

послѣдствіи убѣдиться въ невозможности осуществленія идеи того тожества, какое допускалъ Шеллингъ между Творцемъ и твореніемъ. Преимущественно это сдѣлалъ Гегель, который ясно обнаружилъ бессиліе ума въ рѣшеніи этой неразрѣшимой для него проблемы. Конечно — задача, предложенная Шеллингомъ въ его философіи природы, не есть плодъ пустой игры фантазіи, но рѣшеніе ея не по нашимъ силамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что есть связь между міромъ и Богомъ, но разстояніе между ними такъ велико, что умъ человѣческой непременно теряется въ догадкахъ и предположеніяхъ, какъ только берется измѣрять его: намъ трудно совершенно познать и природу существъ конечныхъ, а для рѣшенія этой задачи необходимо совершенное познаніе и Существа безконечнаго!

Послѣ этого Шеллингу не оставалось ничего болѣе, какъ или вовсе сойти съ поприща философской дѣятельности, или измѣнить толь и содержаніе своей философіи. Онъ рѣшился на послѣднее, но не вдругъ высказалъ свою рѣшимость. Почти пятнадцать лѣтъ онъ оставался въ молчаніи, занимаясь, въ званіи секретаря Мюнхенской академіи, изящными искусствами, мифологіею и религіею. Въ теченіе этого времени, онъ только издалъ небольшое сочиненіе, въ которомъ оцѣнилъ философію Кузена и сдѣлалъ упрекъ Гегелю, преподававшему тогда философію сперва въ Гейдельбергѣ, а потомъ въ Берлинѣ, въ томъ, что онъ извратилъ его ученіе.

Пятнадцать лѣтъ, въ которые Шеллингъ хранилъ глубокое, едва прерываемое, молчаніе, были временемъ большихъ перемѣнъ въ области философіи. Мѣсто созданной имъ философіи природы заступила теорія свободнаго развитія и проявленія какой-то абсолютной идеи въ различныхъ сферахъ — мысленныхъ, вещественныхъ и духовныхъ; прежній смѣлый пантеизмъ замѣненъ новымъ, который хотя не отождествляетъ всего въ одномъ, но извлекаетъ все изъ одного, дѣлая этимъ однимъ идею, которая, развиваясь, производитъ

все. Перемены эти ближайшим образом относились къ Шеллингу: ибо направлены были къ тому, чтобы подорвать его учение въ самомъ основаніи; но онъ видѣлъ это, и — молчалъ, предоставляя своимъ ученикамъ быть его защитниками. Съ трудомъ могъ онъ отозваться на нѣкоторыя слишкомъ обидныя нападенія стараго ученика своего — Гегеля, а прочимъ своимъ противникамъ не сдѣлалъ этой чести, какъ по тому, что полемическій тонъ ему нероденъ, такъ и по тому, что самъ онъ оставилъ свою философію природы и занялся философіею откровенія. Такимъ образомъ его теорія природы пришла почти въ совершенное забвеніе, и только нѣкоторые изъ учениковъ его слѣдовали еще ея началамъ, измѣнивъ одинокую саму ее, какъ въ содержаніи, такъ и въ выраженіяхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ было забыто и имя ея автора, такъ-что многіе едва знали, что Шеллингъ находится еще въ числѣ живыхъ.

Но господство Гегеля было кратковременно, и Шеллингъ, вступая на кафедру Фихте и Гегеля, тотчасъ показалъ, что онъ давно хотѣлъ что-то сказать, но что для этого ожидалъ только приличнаго мѣста и удобнаго времени. Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ увидѣли, что протекшее время не было имъ проведено въ бездѣйствіи, но что, напротивъ того, въ продолженіе его онъ произвелъ науку, отчасти отличную отъ той, которою было пачато поприще его умственной дѣятельности, — что, совершивши полный кругъ своего умственного образованія, онъ измѣнилъ наконецъ вмѣстѣ съ терминологіею и нѣкоторыя положенія своей философіи, и что, хотя его настоящая философія довольно утратила элементъ собственно-философскій, склонившись къ общему смыслу древнихъ вѣрованій и преданій, однако талантъ его остался въ прежней силѣ.

Эта, такъ-сказать, неувядаемость ума Шеллинга была причиною того, что онъ, несмотря на свои преклонныя лѣта, снова былъ вызванъ, назадъ тому лѣтъ восемь, на одну изъ первѣйшихъ кафедръ

германской философіи, и въ аудиторіи Берлинскаго университета, предъ многочисленнымъ собраніемъ слушателей, сталъ излагать свои мысли, какъ результаты долговременнаго опыта, извлеченные имъ изъ преданій всѣхъ временъ и народовъ и направленные къ изученію Откровенія.

Но мысли Шеллинга, даже тѣ, которыя составляютъ послѣдній плодъ его долговременной философической дѣятельности, таковы по своему содержанію, что и въ Германіи, несмотря на всю ея склонность къ выпренимъ умозрѣніямъ, онѣ не могутъ оставаться долго. Новое поколѣніе и тамъ скоро потребуетъ новыхъ идей, тѣмъ болѣе, что идеи Шеллинга не доведены имъ до надлежащей ясности, отчетливости и вѣрности, какъ это мы отчасти показали. Что-же касается насъ — Русскихъ, то для насъ система этого философа, равно-какъ и другихъ ему подобныхъ, важна единственно по своимъ результатамъ, для которыхъ мы и рѣшились коснуться ея содержанія, и эти результаты достойны всего нашего вниманія; ибо это тѣ, весьма поучительныя для насъ, истины, которыя высказалъ Шеллингъ направленіемъ ума своего къ вѣрованіямъ, преданіямъ, религіи и откровенію, и которыя сами ясно говорятъ намъ о томъ: что знаніе само требуетъ вѣры, такъ-какъ она составляетъ для него и источникъ начала, и вѣрное руководство, и твердую опору; — что философія не можетъ обойтись безъ религіи, такъ-какъ одна только религія своими высшими истинами можетъ доставить философіи ту «положительность», которой въ настоящее время отъ нея требуютъ и которой напрасно ищутъ въ другихъ источникахъ, и что уму необходимо Откровеніе, только надобно умѣть согласить ученіе ума съ ученіемъ Откровенія такъ, чтобы каждое изъ нихъ удержало свой характеръ и свое значеніе. Излишне было-бы желать, чтобы ученіе ума было тождественно съ ученіемъ Откровенія по

своему содержанию; но нельзя не требовать, чтобы оно было согласным и даже тождественно своимъ по духу и направлению: ибо одинъ Виновникъ и ума и Откровенія!

Благодаря природному настроенію русскаго духа, въ основѣ коего положены твердыя начала религіи, охраняющія его отъ всѣхъ уклоненій, у насъ трудная задача согласенія ума съ Откровеніемъ, философіи съ религіею, всегда была рѣшаема — можемъ сказать безъ преувеличенія — самымъ удачнымъ образомъ. Наша философія, воспитанная подъ сѣнію Церкви, такъ сроднилась съ Откровенною Религіею, что привыкла и мыслить въ ея духѣ и выражаться ея языкомъ, находя для себя представителей въ кругу лицъ, изучающихъ истины ума наравнѣ съ догматами Откровенія. Сѣмена ложныхъ мудрованій, если и были заносимы къ намъ, то никогда не могли прivityся къ нашей благодатной почвѣ, которая такъ проникнута духомъ Евангельскаго ученія, что не можетъ принимать въ себя ничего такого, что несогласно съ началами нравственности и религіи, на которыхъ неизменно держится благоденствіе Россіи. Но намъ скажутъ: потому-то у васъ не было и нѣтъ философіи. Да! не было, нѣтъ и — скажемъ болѣе къ чести русскаго народа — никогда не будетъ у насъ того суетнаго мудрованія, которое, въ буйномъ стремленіи къ мечтательному всезнанію, ниспровергаетъ все священное и завѣтное; но была, есть и будетъ та истинная мудрость, которая, не выходя изъ границъ ума, всегда готова преклониться предъ Вѣрою тамъ, гдѣ самую природою положенъ предѣлъ умственнымъ изысканіямъ. Такая философія, откуда бы она ни пришла къ намъ, всегда найдетъ у насъ ласковый и радушный приѣмъ; ибо она по духу русскаго народа, воспитаннаго въ началахъ православія, законности и порядка, — по мысли нашего мудраго Монарха, бдительно охраняющаго эти твердыя опоры народнаго спокойствія,

13

которое составляетъ теперь почти исключительное достояніе Россіи, благоденствующей подъ скипетромъ НИКОЛАЯ I-го, и наконецъ по самой идеѣ этой науки, послѣднюю цѣль которой должно составлять разумное убѣжденіе въ недостаточности познаній ума и въ необходимости восполненія ихъ ученіемъ Откровенія.

5197

414596

И. И. МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА